

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Анна ЧЕРНЫШЕВА
Звезда бессмертия

Роман

Часть III

Новокузнецк
2015

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Ч 49

Чернышева Анна Анатольевна

Звезда бессмертия : роман : часть III / Анна Чернышева ;
Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя,
Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики
«Контакт». – Новокузнецк, 2015. – 88 с. : ил.

©Анна Чернышева

На первой странице обложки

– акварель «Химера. Нотр-Дам» Елены Гордиенко (Алма-Ата)

На четвёртой странице обложки

– химера Нотр-Дам над современным городом (фото)

Глава двадцать восьмая В ПОИСКАХ ДИВАНА

Проснувшись утром, смотрю на часы и ясно понимаю, что опять проспала институт. Ну и не пойду туда вовсе! Сегодня всё равно только две пары, ни сопромата, ни математики. Лучше я спрошу Маринку, чего ради она ринулась ночевать вне дома. Выхожу в зал, где она уютно устроилась на диванчике; подруга уже проснулась, встала и собирает постельное бельё. Она явно уже успела умыться, расчесаться и даже накрасилась. Я на секунду чувствую себя неуютно с сонным лицом и нечесаной головой. Но желание срочно привести себя в порядок быстро проходит.

– Доброе утро, – сонно зевнув, произношу я.

– Кому как, – энергично отвечает Марина, – у меня сегодня много дел.

– Но ты не можешь убежать и оставить меня в неведении обо всём, что с тобой случилось.

– Да, это будет невежливо.

– Ну, рассказывай, я готова!

Опускаюсь в большое кресло, сажусь по-турецки, Пальма залазит на подлокотник, принимает выжидающую позу.

– В меня стреляли, – просто и серьёзно говорит Марина.

– О, Господи! – вырывается у меня. – Кто?

– Так, надо рассказывать по порядку. Всё началось с того, что я влюбилась, он моложе меня, но это неважно. Он человек творчества, пишет стихи, музыку...

– Играет на гитаре, зовут Паша, – подхватываю я, – знаю, знаю.

– Откуда ты можешь знать?!

– Сейчас всё в него влюблены, мне вчера так много рассказывали о нём, что я даже представить не могу, что речь может идти о ком-то другом. Неужели я угадала, и ты тоже попала под действия чар этого рокера?!

– Попала, – горько вздыхает моя рассудительная подруга.

– Но это на тебя не похоже, ты такая...

– Чёрствая, сухая, хладнокровная и скучная, – выпаливает Марина, чуть ли не со слезами на глазах, – он так и сказал, неужели я именно такая?

– Ну... он тебя совсем не знает.

– А ты?

– Я знаю, что ты надёжная, спокойная, добрая...

– И всё-таки со мной скучно, меня даже на день рождения приглашают редко, не умею я веселиться!

– Я всегда приглашаю, – спешу вставить.

Но она не слышит, продолжает сокрушаться:

– Паша сказал, что я даже одеваюсь как мент! Не платья, а униформа. Дал мне кличку «Солдат Джейн». И все подхватили, знакомые теперь только так зовут, я делаю вид, что не обижаюсь, а на душе кошки скребут.

Не прав рокер, не похожа моя подруга на чокнутую Деми Мур! Конечно, она не беззаботная Лена, но говорят блондинки – это особый тип людей. А моя Марина – мудрая брюнетка. Ух, поговорила я бы с этим Пашей, из-за которого прыгают с балкона и уходят из дома!

– Всё это ерунда, – холодно продолжает «Солдат Джейн», – пока я была на концерте местных рок-групп, слушала любимого Пашу, меня ограбили. Возвращаюсь домой, там всё перевёрнуто. Дверь открыта, и двое ребят вытаскивают на площадку большущий тюк моих вещей, завязанных в китайское покрывало. Я принимаюсь орать раньше, чем успеваю сообразить, что следует делать в такой ситуации. Один из грабителей полез в карман куртки, достал пистолет и принялся палить, куда попало. Пули рикошетили от стен, летали вокруг как мухи. Меня только чудом не задело. Парни бросились на лестницу и унеслись, бросив вещи. А я не могла себя заставить даже войти в развороченную квартиру, тем более остаться там ночевать. Теперь соберусь с духом и пойду наводить порядок. Смешно, сама мент, а вызывать оперов не хочу, а надо.

– Хочешь, я помогу тебе прибраться?

– Позже. Я тебе позвоню. А сейчас пойду на работу, пусть кто-нибудь из наших разберётся, не получается у меня выходной. А ты почему не на лекциях?

– Завтра пойду на сопромат, – обещаю я.

Через несколько часов, Марина действительно звонит и сообщает, что можно приступать к уборке. Оказалось, что её квартира не единственная в городе была обчищена вооружённой парочкой. Менты ищут связь между ограблениями.

Я сразу отправляюсь помогать подруге. Хотя самой боязно входить в её разорённое жилище. Такой бардак я вижу впервые в жизни. Впечатление, что грабители старались испортить всё, что не унесли. Перебили посуду, поломали мебель, распороли диванную подушку, вывалили всё из шкафов, побросали на пол книги с полок, наследили грязными ботинками. От всего этого к горлу подступает противное чувство страха и отвращения. Словно я залезла во что-то грязное и липкое. Ужасно хочется сбежать отсюда, но ведь я обещала. На Марину страшно смотреть, моя железная леди явно успела прореветься, пока я сюда добиралась. Глаза опухли, нос красный. Теперь крепится, командует уверенным тоном.

– Так, самое страшное здесь, начнём с книжных полок и платяного шкафа. Эти гады всё-таки успели утащить мою шубу. Чтоб у них её моль съела!

Мы долго дружно расставляем книги по местам. Несколько штук совсем развалились при падении, может, их специально порвали. Марина откладывает их в сторону.

– Отремонтирую.

Скоро в куче требующих ремонта вещей оказываются часы, кое-что из посуды, резная шкатулка и рамы для картин. Но гораздо быстрее растёт гора вещей, сломанных окончательно и предназначенных на выброс.

Здесь оказываются разбитое зеркало и много, много того, чей первоначальный облик мне уже не понятен.

Марина действует быстро, решительно, но порой над каким-нибудь черепком вздыхает так горько, что мне её очень жало. Ну, что я могу поделывать? Расставляю, мою, говорю глупости, отвлекаю.

– Знаешь, я должна сказать тебе спасибо, опыт пребывания в психушке мне пошёл на пользу.

– Неужели?!

– Я вчера спасла человеческую жизнь.

Молчание.

Желание разговаривать пропадает как-то само собой. В полной тишине мы заканчиваем уборку, моем полы, вытираем пыль. Когда завершаем последние мероприятия по восстановлению прежнего порядка, насколько это возможно, Марина останавливается посреди комнаты, озирается, критично осматривает её и трагическим голосом констатирует:

– Уборка не помогла! Находиться здесь я не могу.

– Так пошли отсюда, – воодушевляюсь я, – мне почему-то здесь тоже не по себе.

– Куда я денусь?! – вздыхает Марина.

– Пошли ко мне.

– Я полагаю дело совсем не в месте, просто надо отвлечься.

Я задумываюсь на минуту и предлагаю подруге великий Ленкин метод, который мне совсем не помог.

– Тебе надо пойти за покупками.

– Шопинг никогда меня не увлекал.

– Ни разу? – щурюсь недоверчиво.

– Ну-у... – анализирует воспоминания подруга, – может быть, однажды, когда мы с тёткой покупали ей мебель...

– Значит, тебя увлекают крупные покупки, – подытоживаю я.

– Скорее всего.

– По-моему, тебе нужен новый диван.

– Да, на этом и сидеть противно, – соглашается Марина. – По нему ходили в обуви, сломали ножку, порвали обивку. И вообще, этот диван стар как мир. Но мебель – очень дорогое удовольствие.

– Только не говори, что тебе не у кого занять необходимую сумму.

– Да я уже заняла, только рассчитывала тратить деньги на восстановление квартиры постепенно, а не все сразу.

– Какая разница?!

– Вот куплю диван и опять останусь без копейки.

– А иначе недели через две останешься и без копейки, и без дивана.

На всякие мелочи деньги разлетаются со страшной скоростью.

– Но у меня и на еду не останется!

– Не переживай, будем питаться вместе.

Я впервые в жизни покупаю мебель. Никогда раньше не приходилось совершать такие крупные покупки, всегда доверяла в этом вопросе выбору родителей. У Марины тоже не было подобного опыта. Набираемся храбрости и идём выбирать подходящий диван. Сначала, само собой, мы не можем просто приступить к делу, долго бродим среди дорожных роскошных спален, бестолковых шкафов и ярких кухонных гарнитуров. Глазеем, ахаем, ищем недостатки.

– Трудно представить, какого размера должна быть комната для этой кровати.

– А что?! Поломать все стены пятикомнатной квартиры и поставить одну двухспалку

– А вот это, наверное, для лилипутов – кроватка, спичечный коробок.

– По-моему, если я даже лягу по диагонали, всё равно эта кроватка будет мне коротка.

– Есть здесь вообще хоть какие-нибудь диваны?! – раздражается Марина. – Мне уже надоел этот мебельный склад!

– По идее, диваны должны быть в отделе мягкой мебели, – пытаюсь рассуждать логично.

Но у меня и владельца магазина разная логика. В отделе мягкой мебели стоят напольные вазы и резные табуреты. Мы собираемся уже плюнуть и уйти восвояси, когда у самого выхода натываемся на синий, очень синий диван. Моя подруга ловит пробегающую галопом мимо нас продавщицу:

– А у вас есть ещё что-нибудь кроме этого уродца? – она тычет пальцем в «синее чудо».

– Конечно, есть, – жеманно жмёт плечиками продавщица.

– Где?

– Там...

Она небрежно машет рукой куда-то в сторону.

На исходе второго часа изучения мебельного ассортимента мы покидаем магазин с бумажкой, обещающей точную доставку дивана по указанному адресу в течение дня.

Когда мы возвращаемся к Марине домой ждать доставку, перед нами встаёт новая проблема – как избавиться от старого дивана. Не ставить же один на другой. Мы даже пробуем двигать его сами, но старая громадина оказывается страшно тяжёлой. Он словно приклеен к полу, скрипит, но не сдвигается. До нас доходит простая истина, что перемещение мебели – занятие совсем не женское.

– Тяжёлый, как рояль, ненавижу! – Марина пинает новую развалину.

– Может быть стоит позвонить Саше? – предлагаю я. – Он приедет, что-нибудь придумает или сам его вытащит.

– Долго! – решительно заявляет Марина. – У меня есть вариант гораздо быстрее. Проще попросить помощи у моего замечательного соседа.

– И что он сделает?

– Сама увидишь, – подмигивает подруга.

Нам везёт, «замечательный Маринин сосед» оказывается дома и с улыбкой выслушивает её просьбу. Совсем уже не молодой, грузный и абсолютно лысый. Его внешность была бы неприятной, если бы не удивительное обаяние. Он улыбается и произносит слова приветливо и ласково. За версту видно умного и доброго человека.

– Новый диван – это замечательно, а с остальным мы сейчас разберёмся. Сейчас пришлю своих архаровцев.

Не проходит и пяти минут, как в Марининой квартире появляются четверо молодых людей, легко подхватывают развалюху-диван и со смехом уносят его вниз по лестнице.

– Чудеса! – вздыхаю я.

– С Семёном Семёновичем всегда так.

– Он кто?

– Волшебник, – счастливо улыбается Марина.

– Никогда не замечала в тебе склонность говорить загадками. Если серьёзно, не представляю, кем должен быть твой сосед, чтобы так решать любые проблемы. На нового русского он совсем не похож.

– Я сама не знаю, чем он занимается, кроме того, что живёт по соседству. Но таких приятных людей мне давно не приходилось встречать.

– Не удивительно – с твоей работой.

– Нет, он хороший человек, не только по контрасту с преступниками.

– А сын у него есть? – хитро шурюсь я.

– Кто о чём! – смеётся Марина.

– Я же о тебе забочусь! Так есть у него сын или нет?

– Я точно не знаю, но, кажется, Семён Семёныч живёт один.

– А как же те добрые молодцы, которых он нам прислал?

– Они каждый раз разные и все слишком молоденькие.

– А как же твой музыкант? Тебя же не смущает, что он тоже молодой!

Марина молчит и, мне кажется, даже краснеет, отвечает не сразу, отвернувшись от меня и перебирая что-то на полке.

– Это совсем другое, талант не имеет возраста.

– Да что же там за Орфей? – смеюсь я. – Что все в него влюбляются? Может, он колдун и чернокнижник?! Пряма-таки хочется на него посмотреть. Только как бы мне самой не поддаться?! Для страховки возьму с собой Сашу, с ним мне ничего не страшно.

– Так, если ты всерьёз хочешь познакомиться с Пашиным творчеством, я могу это организовать.

– Слава Богу, узнаю свою подругу Марину. Деловая и спокойная. Я люблю тебя такой, не вздумай меняться! А слушать вашего рокера на самом деле мне не очень-то хочется. Не люблю мрачные песни на социальные темы.

– Ты не права, нельзя судить о том, чего не знаешь.

– Всё! Всё! Всё! – энергично машу руками. – У меня нет ни малейшего желания с тобой спорить.

– Ждать ещё долго, не знаю, как ты, а я ужасно голодная, – сообщает моя подруга, – пойдём, сварганим что-нибудь съестное.

– Бежим скорее к холодильнику, я тоже ужасно голодная.

Мы перебираемся на кухню, здесь грабители напакостили меньше всего. Правда, они что-то искали в шкафу среди баночек для сыпучих. Все пороняли и рассыпали. Но по сравнению с тем, что творилось в комнате, этот бардак уже не производил впечатления. Марина деловито заглядывает в холодильник, потом в соседний шкаф и сообщает:

– Должна тебя огорчить, ничего вкусного и вкусно приготавливаемого у меня нет. Придётся сочинять что-то мудрёное.

– Например?

– У меня где-то заваялся кабачок, есть мороженный болгарский перец и помидоры.

– Рагу? – уточняю я без энтузиазма.

– Персидский плов, – гордо выпрямляется моя подруга.

– Персидский? – удивляюсь я. – А чем он отличается от обыкновенного?

– Увидишь, – загадочно улыбается она, – для начала доставай сковородку.

В раскалённую сковородку она наливает много подсолнечного масла и насыпает рис.

– Рис должен сначала обжариться, чтобы быть золотистым и рассыпчатым. А мы пока порежем кабачок.

На минуту отворачиваемся от печки к столу, склоняемся над овощами. Снова взглянув на сковородку, вижу высокое пламя, с шумом поднимающееся над ней! Я и крикнуть не успеваю, Марина хватает вспыхнувшую сковородку и бросает её в раковину, под струю воды. Ещё секунду и от огня и следа не остается.

– Ничего себе фламбэ!

– У тебя такое часто? – выдыхаю я.

– В первый раз, – пожимает плечами Марина. – Ничего не понимаю.

– Неужели это значит, что плов отменяется? Я уже настроилась на экзотическое блюдо.

– Ничего подобного, сейчас мы всё повторим снова.

На этот раз всё проходит без приключений, и меньше чем через час я уже чувствую себя сытой и счастливой. Экзотическое блюдо оказывается вкусным и сытным. Мы заканчиваем с едой и собираемся мыть посуду, когда в дверь громко и настойчиво звонят.

– Судя по стилю, это доставка.

Марина удивительно неспешно подходит к двери, открывает, выпускает грузчиков, расписывается в ведомости, делает всё с таким каменным лицом, что даже я не могу понять, рада она хоть сколько-нибудь. Мне приходится спросить:

– Ну, твоя душенька довольна? Диван, по-моему, тот самый.

– Да, это хорошо.

– Хорошо?! Да это прекрасно! Ну, улыбнись, ты приобрела новую вещь, да ещё такую огромную. Смотри, какой он мягкий!

Я весело плюхаюсь на диван, зову подругу сесть рядом, но она говорит только:

– Пошли отсюда, от этого дома мне до сих пор жутко, даже с новым диваном.

Мы покидаем осквернённое жилище с поспешностью беглецов. Только на улице я тоже понимаю, что очень устала от угнетающей атмосферы обворованной квартиры. Не слишком короткий путь до моего дома специально проделываем пешком, чтоб отдохнуть и надышаться свежестью только что выпавшего снега и лёгкого морозца.

В прихожей нас встречает разгневанная Пальма. Хорошо, что я в курсе кошачьих реакций и не принимаю её летающий из стороны в сторону хвост за собачье проявление восторга. Только то, чем размахивает моя кошка, и хвостом-то назвать неловко. Какой же садист вывел эту породу?!

– Только не уверяй меня, что смогла привыкнуть к этому уродцу! – говорит Марина, словно подслушав мои мысли.

– Мне приходится каждый раз напоминать себе, что это Сашин подарок.

– И дорогой подарок, надо заметить!

– Но гораздо чаще я думаю, что кошка ни в чём не виновата.

– Да, подобную «красавицу» остается только пожалеть.

Пальма внимательно нас слушает, растопырив пушистые уши. Издаёт странный звук, похожий на мяуканье не больше, чем комариный писк.

– Я и раньше не любила кошек, но твоя – это уж совсем... кризис жанра, – говорит Марина.

Она опасно обходит Пальму, по привычке включает телевизор, словно без него уже и заняться нечем. Он так и кричит о чём-то своём, пока я показываю подруге в журнале фотографию того самого места, в котором мне давно и безнадежно хочется побывать.

– Италия – это так банально! – морщит нос Марина.

– Говоришь, как будто едешь туда на каждые выходные, – улыбаюсь я.

– Тем более не стоит тратить заграничную поездку на места, растиражированные в каждом журнале. Лично меня привлекает экзотика, например, Тайланд.

– Что ж, поживем – увидим, кому удастся отдохнуть интересней.

– И главное – когда! – смеётся Марина.

От романтических мечтаний нас отвлекает моя лысая кошка. Ей наскучивают попытки привлечь наше внимание, и она берётся сама себя развлекать. Первым делом Пальма с независимым видом проходит в спальню, но не найдя там ничего достойного её внимания, возвращается тяжёлой и царственной поступью настоящей хищницы. Войдя в комнату, она критически осматривает шкафы и запрыгивает на нижнюю полку. Мы невольно оставляем в покое модный журнал и наблюдаем за ней. Обнюхав всё, что лежит, стоит и валяется на нижней полке, с помощью затейливых

телодвижений кошка забирается на вторую полку. Стоящие там вазы не вызывают у неё интереса, и она задирает свою морщинистую мордочку, намереваясь прыгнуть ещё выше. Моя неправильная кошка встаёт на задние лапы, машет передними в воздухе, задевает одну из ваз, с ужасом бросается от неё в сторону. Задевает ещё одну и с воплем спрыгивает на пол. Вазочки, покачавшись, как на замедленной плёнке, наклоняются и летят вниз. Когда они одновременно разбиваются, раздаётся тот же самый звук, который так испугал и удивил меня вчера. Я резко поворачиваюсь к телевизору, не зная, на что рассчитывая, ведь он вчера был выключен. И вижу тёмный пустой экран.

– Когда он выключился? – спрашиваю я подругу.

– Перед тем, как они упали, – растерянно отвечает она.

Между тем, «болтливый ящик» сам собой начинает работать. И как ни в чём не бывало, твердит о сказочных свойствах пива. Я понимаю, что временной сдвиг кончился, и всё идёт своим чередом. Кошка виновато прячется за диван, осколки ваз мирно лежат на полу, Марина приступает к расспросам:

– Твоя техника часто так дурит? Может, вызвать мастера?

– Не стоит, я думаю, дело совсем в другом.

– В чём ещё?!

– Долго рассказывать, – отмахиваюсь я.

Приступаю к уборке того, что ещё недавно было вазочками. Подумать только, я уже заранее знала, что это произойдёт, но и мне в голову не пришло попробовать предотвратить неприятность. Следующий раз буду внимательнее... стоп!!! Выходит, время может не только возвращаться назад, но и забегать вперед. А я бы так этого и не заметила, если бы не Пальма.

В результате вместо наказания моя кошка получает лишнюю порцию рыбы. Смотрит на меня с недоумением и торопится проглотить лакомство, пока я не передумала.

Глава двадцать девятая ВИНО И НАРЯДЫ

Маринины влюблённые вздохи и вообще все наши разговоры о мечтах и романтике будят во мне нестерпимое желание услышать, а лучше увидеть Александра. Без него я вдруг почувствовала себя очень одинокой. Я решаю не бороться со своими чувствами, а просто взять и позвонить.

– Я соскучилась, – честно говорю в трубку.

– Значит, я еду? – вежливо переспрашивает Саша.

– Да, только быстрее, кажется, у меня совсем нет сил ждать.

– Двадцать минут.

Марина понимающе улыбается:

– Сама назначила свидание? Вроде бы это не по правилам.

– Какие сейчас правила?

– Пожалуй, – соглашается подруга, – вот и познакомишь меня с твоим красавцем, клянусь даже не пытаться его увести, – смеётся она.

- У тебя всё равно ничего не получилась бы. У нас с ним есть общая тайна.
- Ну-ка, ну-ка, расскажи!
- И не подумаю, – веселюсь я, – это только наша тайна.
- Какая прелесть.

Я и заметить не успеваю, как пролетает время ожидания и раздаётся весёлый звонок в дверь. Успеваю только подумать, что Саша добрался удивительно быстро, как... вся моя квартира колыхнулась, словно отражение в мутной воде, и пропала.

Прямо передо мной поднялись высокие двусторчатые дубовые ворота баронского замка. Я повернулась к Гансу, его и не узнать: надулся, важный, как влюблённый голубь, даже верхнюю губу оттопырил. Стоял, смотрел на суровую цитадель, как на воробьиное гнездышко, произнёс снисходительно:

- Неплохой домик, маловат, а так ничего.

Я чувствую себя очень неуютно, не могла понять, что мне делать дальше. Не узнавала моего грубого, но понятного громилу. Напыщенный, важный господин, появившийся вместо него, был чужим и пугающе незнакомым. Барон окончательно поверил, что перед ним настоящий герцог и принялся ещё пуще кланяться и улыбаться.

– Я рад вас приветствовать в своём скромном жилище. Ваш визит – огромная честь для меня. Вы уж не обессудьте, но ваш ловкий маскарад ввёл меня в заблуждение. Я не смог сразу оказать вам подобающий приём.

– Ничего, – снисходительно процедил сквозь зубы «герцог Ганс». – У меня большие планы...

Барон его уже не слышал, шёл вперёд, широким жестом приглашал шествовать за ним.

В замке нас сразу окружила суета слуг, беготня с какими-то сундуками, корзинами, кувшинами, я вчера и не заметила, что у барона столько слуг. Это мельтешение напомнило мне растревоженный улей. Вокруг нас голоса гудели испуганно и раздражённо.

В уже знакомом мне зале для приёмов в большом камине ярко горело горячее рыжее пламя. Длинный стол ломился от яств. Я никогда раньше не видела такого роскошного угощения. И даже не подозревала, что так быстро можно наготовить столько разных блюд. На больших подносах дымилось всевозможное жареное мясо: оленина, молочные поросята, огромное количество птицы... словно ради этого обеда охотники перебили всю дичь. Над столом поднимался такой аппетитный запах, что у меня закружилась голова. Я не могла глаз отвести от румяных корочек и сочных кусков мяса. К роскошному запаху жареного мяса примешивались ароматы незнакомых приправ. Заморские специи щекотали нос. Неужели дворяне всегда так едят?! Я забыла обо всём, кроме этого изобилия. Любовалась жёлтыми ноздреватыми сырами, запотевшими узконосыми кувшинами, белыми дорогими хлебами.

– Я думаю, мы не станем сажать служанку за наш стол? – слова барона прозвучали как приговор.

Но Ганс спас меня от страшного разочарования:

– В моём дворце герцогиня всегда садит её обедать вместе с нами.

– Не будем нарушать сложившиеся традиции, – неохотно соглашается барон, – господа, прошу всех к столу.

У меня слюнки потекли от предвкушения райского блаженства, но удовлетворение снова отсрочили, и виноват в этом был не кто-нибудь, а громила.

– Меня предупреждали, что вдали от столицы нравы грубые, но не ожидал встретить такое варварство в вашем доме, барон. К моему великому удивлению, – важно заявил он.

– Варварство, – растерянно переспросил он.

– Вы бросаетесь есть, едва слезли с коня, не предложив даже сполоснуть руки водой с лимоном или хотя бы с каплей розового масла.

Я рот разинула, слушая его; про страшно дорогое розовое масло я хотя бы слышала от соседки, прислуживающей в богатом доме, но что такое лимон, я даже не подозревала. Откуда Ганс знает такие слова?! Барон тоже выглядел озадаченно.

– С лимоном, но... Фриц! – заорал он истерично и набросился на мигом прибежавшего слугу. – Почему не подали гостям воды для споласкивания рук?!

– А надо было? – поднял кривую бровь слуга.

– Немедленно неси воду с лимоном!

– С чем, чем? – переспросил Фриц.

– Неси, быстро! – топнул ногою барон.

Фриц скривился, но послушно убежал за водой с чем-то, ему неизвестным. Я с интересом ждала, как несчастный Фриц выкрутится из трудного положения. Барон тоже ждал его возвращения не без тревоги. Его товарищи, помогавшие доставить нас в замок, взволнованно перешёптывались, и только Ганс сохранял величественное спокойствие.

Фриц вошёл, неся на вытянутых руках большую миску полную воды. И все взгляды устремились в неё, но в воде ничего не было. Чистая прохладная вода не имела запаха. Первому её подали «герцогу», он опустил в миску пальцы, сполоснул руки и не преминул отметить:

– Слишком мало лимона.

Его примеру последовали барон и все остальные, и каждый пенял Фрицу за то, что тот мало положил никому не известного лимона.

Наконец, все расселись вокруг стола: барон во главе, Ганс по правую руку от хозяина, я на дальнем от него конце. Слуги разлили тёмное красное вино по большим серебряным кубкам, мне тоже достался один самый маленький. Прямо передо мной Фриц на медном блюде нарезал оленину большими, дурманище пахнущими ломтями. У меня пальцы задрожали, когда я потянулась за куском, – и тут Ганс придумал новую отсрочку:

– А где вилки?! – раздражённо спросил он.

Мне захотелось плакать.

– Фриц!! – снова заорал барон. – Где вилки?

– Вилки? – тупо повторил Фриц, шёпотом напомнил хозяину. – У вас есть только одна.

– Неси! – гордо повелел барон.

Фриц исчез. Вскоре появился снова с одним единственным серебряным прибором. Мне раньше не доводилось видеть такую диковину. Затеяливо украшенный двузубец мне не понравился, странная выдумка. Что плохого в том, чтобы есть руками?! Ничуть не смутившись, «герцог» забрал у Фрица единственную вилку. И, не спеша, приступил к трапезе. Меня поразил пресыщенный вид громилы. Пока он выбирал куски и осторожно ковырял их вилкой, я торопилась быстрее набить рот. Пока новоявленный «герцог» не придрался ещё к чему-нибудь. В этот момент Фриц заметил меня за хозяйским столом и выпучил глаза так, словно увидел привидение. Он даже закашлялся в кулак, и щека у него стала нервно подёргиваться. Ганса он даже не узнал. Я сразу забыла про баронского слугу, занявшись едой. Нежное подсоленное и приправленное чем-то необыкновенное мясо таяло во рту. Вскоре мне сильно захотелось пить. Не найдя на столе воды я потянулась к кубку с вином. Решилась в первый раз в жизни попробовать этот напиток, ведь у нас в деревне пили только пиво. Я осторожно отхлебнула совсем чуть-чуть, вино показалось мне горячим. Решилась выпить ещё. Нежная виноградная сладость приятно удивила меня.

Я старалась попробовать все блюда, до которых могла дотянуться. Они оказались совершенно разными и невероятно вкусными. Ничуть не напоминали нашу вечную варёную рыбу. Рыба на столе тоже была, золотистая, украшенная какими-то листочками, но я на неё и не смотрела. Больше всего мне понравилось запивать мясо вином. Я пила, а слуга незаметно подливал мне ещё и ещё. Так что я дна бокала так и не увидела. Как раз, когда я решила, что есть больше не могу, «герцог» небрежным жестом бросил вилку на стол и решительно поднялся. Остальные господа тут же вскочили на ноги. Многим это было уже затруднительно, благодаря количеству выпитого. Они хватались за высокие спинки стульев, чтобы сохранить равновесие. Неверными движениями они оправляли свои камзолы.¹ Барон так сосредоточился на застёгивании мелких жемчужных пуговиц, что его раскрасневшееся лицо покрылось каплями пота. Одна повисла на кончике его длинного носа. Я хихикнула над ним, икнула и попыталась встать на ноги. До чего же это оказалось трудным делом. Пол под ногами так и заходил, стены зыбко качнулись, а потолок угрожающе накренился. По примеру пьяных господ, я тоже хотела ухватиться за резную спинку стула, но промахнулась и поймала пустоту. Едва не упала.

– Ух ты!

Хорошо, что никто не заметил, что со мной творилось. Барон и все его друзья подобострастно смотрели на «герцога Ольденбургского». На

---

¹ камзол – «фр. *camisole*» – короткая мужская одежда без рукавов.

которого или вино совсем не подействовало, или он просто знал меру. Высокий гость выглядел абсолютно трезвым. Он выразительно глянул на свои жирные пальцы и нахмурился. Фриц понял причину его гнева раньше барона, метнулся за дверь и вскоре подал Гансу воду для споласкивания. Герцог сполоснул руки и одобрительно произнёс:

– Славно пообедали, я, знаете ли, одобряю французскую моду, когда на стол подают разнообразные блюда. Наши вечные колбасы и сосиски порядком наскучили.

– Я горжусь, что сумел угодить вам, – растекался в слащавой улыбке барон.

– Да, ваш дом вполне соответствует лучшим образцам, какие мне доводилось видеть.

– Рад, очень рад, – тупо повторял барон.

– Только советую вам завести побольше вилок, – Ганс весело подмигнул хозяину, а тот опять занялся пуговицами.

– Милейший, – снова обратился «герцог» к хозяину, – определите мне комнату в вашем замке, чертовски хочется хорошенько отдохнуть после дороги и прекрасной трапезы.

– Конечно, конечно, прошу! Я сам провожу вас, герцог Ольденбургский, всё уже давно готово.

– Не надо имён и титулов, – поскромничал «герцог», – не забывайте, я же здесь инкогнито.

– Конечно, конечно, – опять заладил барон и сделал пару неверных шагов к дверям. Он махнул рукой, приглашая Ганса следовать за собой. Но, не рассчитав сил и потеряв равновесие, повис на своём высоком госте. Лицо Ганса выразило крайнее изумление. Он отодвинул от себя пьяного барона, процедил сквозь зубы:

– Нечего было хвастать своими заграничными винами, если пить не умеешь.

Барон пытался что-то объяснить, тряс перед носом указательным пальцем:

– Я не пьян... я молодец... захочу, всё один выпью... подумаешь... вино, я его победу... победжу...

Но, несмотря на всю свою браваду, он никак не мог устоять на ногах самостоятельно. Фриц вовремя подхватил хозяина, и тот на подгибающихся ногах, тяжело навалившись на слугу, снова двинулся к двери, но остановился, повернулся к Гансу, так резко, что едва не свалил Фрица с ног:

– А теперь-то отправьте служанку к остальным!

– Я слишком привык к ней за время путешествия, – сразуотреагировал Ганс.

– А-а-а, понимаю... – подмигнул ему барон. – Эй, тайная спутница, пошли с нами, – поманил он меня.

Потом перевёл мутный взгляд на остальных участников обеда, прижал палец к губам:

– Тц-ц-ц, вы ничего не слышали и не видели. Ин-ко-гни-то! – по слогам произнёс он.

Я, кажется, покраснела, если уже не была пунцово-красной после выпитого вина. Двинулась следом за Гансом, ценой огромных усилий стараясь не качаться. С какой радостью я ухватилась за стенку в узком коридоре. Мы так и шли по тёмным переходам: впереди слуга с канделябром, за ним барон, повисший на Фрице, за ними важный «герцог», а я самой последней, тщетно стараясь не отставать. Пока Ганс не подхватил меня под руку:

– Держись, пьяница, – шепнул он.

И всё равно на крутой винтовой лестнице я умудрилась упасть и была готова уже подниматься на четвереньках, но мой спутник был категорически против и поставил меня на ноги.

– Хорошо выглядишь, «любимая служанка герцогини».

Я пыталась возмущённо что-то ответить, но даже сама не смогла разобрать своих слов.

«Герцогу» отвели большую, неуютную спальню, с высокими потолком, тёмными шпалерами¹, с камином, похожим на пасть чудовища. Посередине помещения, на подиуме в две ступени, высилась громадная кровать с тяжёлым, бархатным балдахином. Скорее всего, это была спальня самого барона. Уходя из комнаты и оставляя нас вдвоём, он ухватил меня за подбородок, ехидно сощурился без того хитрые глазки:

– Интересно всё-таки, что в тебе есть такое особенное, что привлекает герцога?!

Я брезгливо поморщилась от пахнувшего мне в лицо мощного винного духа, смешанного с чесноком.

– Я не наедаюсь чеснока на ночь!

Хозяин обиженно фыркнул и наконец-то скрылся за дверью. Слуга поставил канделябр на толстоногий столик и убежал за хозяином.

Я сразу же опустилась на стоявший возле двери резной стул. Недоверчиво посмотрела на мнимого герцога:

– Ты кто?

– Ганс.

– Тогда откуда ты умеешь делать вот так?

Я пытаюсь повторить его величественный жест рукой. Он только расхохотался.

– Ну-ка, сделай так ещё раз! У тебя так потешно выходит, настоящая королева.

Я обиделась и надула губы, зато в голове прояснилось, стало легче формулировать мысли:

– Не смешно, я о тебе совсем ничего не знаю. Может, ты и правда герцог.

– Хорошо бы, – улынулся Ганс.

---

¹ шпалера – тоже что обои, в средневековые тканевые, реже бумажные.

– Кто ты такой? – повторила я. – Почему ты знаешь такие слова: вилка, ли-мо-он... и вообще, что такое ли-мо-он?

– Понятия не имею. Я только слышал, как о нём говорил один приезжий итальянец.

– Где слышал? – не отставала я.

– У нас в кузне. Я ведь помощник мастера оружейника, вернее, – был... Наши доспехи славились на всю Европу, так что заказчики приезжали из разных стран. Там я и насмотрелся на этих баронов и сеньоров. Мой отец изготавливал конские доспехи, только поэтому я разбираюсь в верховых лошадях. Ты не представляешь, какие болтуны и бахвалы эти настоящие рыцари.

– Я тебе не верю! – почему-то сказала я, хотя сразу поверила каждому его слову.

– Твоё дело, – пожал плечами Ганс. – Хочешь, думай, что я тайный принц, ну очень тайный.

– Мне бы очень хотелось так думать, – призналась я.

– Значит, так оно и есть. Только я очень-очень бедный принц и понятия не имею, где моё королевство, – вздохнул Ганс и заметил весело:

– Да, у тебя глаза закрываются, «принцесса», пора спать.

– Да, – сонно вздохнула я.

– На стуле тебе будет неудобно, перебирайся на кровать.

– Я иду, уже иду...

Я поднялась со стула, сделала пару шагов, мои ноги совсем запутались, к тому же я закрыла глаза и не знала, где кровать. Поднять отяжелевшие веки оказалось делом совсем невозможным. Ганс взял меня за руку и благополучно довёл до ступенек. Забраться на них мне удалось ценой невероятных усилий. Мой трезвый путник потешался над моей манерой двигаться. А я без сил повалилась на перину и испытала редкостное блаженство. Почему-то резко расхотелось спать. Я внимательно посмотрела на Ганса:

– Знаешь... хорошо, что ты не принц. И что королевства у тебя нет – замечательно! А то, что у тебя нет денег, мне даже нравится, и вообще... ты мне нравишься... – выговорила я и сладко заснула.

Всю ночь мне снились странные сны. Про незнакомых, дико одетых людей, дома, похожие на высокие отвесные скалы, и железные кареты без лошадей.

– Больше никогда в жизни не буду пить вино, – сказала я, ещё не до конца проснувшись.

– Правильно, никогда не пей, – услышала я весёлый голос Ганса.

Открыла глаза, вокруг меня царила крошечная тьма. Я не могла различить даже собственной руки возле самого лица.

– Боже, где я, – вскрикнула я в ужасе.

– Это длинная история, – ответил мне голос Ганса.

И вдруг на меня хлынул свет, и я далеко не сразу поняла, что он просто отдернул плотный тяжёлый полог на кровати.

– Как спалось, ваше величество?
– Ужасно, – призналась я, – всю ночь снились какие-то кошмары.
– Это всё вино виновато, а может быть, перина слишком мягкая. Вот я прекрасно выспался.

– А где же ты спал? – недоумевала я.
– Зачем мне кровать?! Вон там, у камина, лежит прекрасная медвежья шкура, она оказалась гораздо мягче постели, на которой я обычно спал.
– Нет, спать на полу – это не выход.
– Напекаешь, что мне нужно было разделить ложе с тобой? – подмигнул Ганс.

Я смутилась и не нашла, что ответить на такую дерзость, а громила продолжал веселиться:

– Конечно, был ещё вариант: стащить тебя с кровати, бросить пьяное «величество» где-нибудь в углу, а самому устроиться, как подобает герцогу. Представляю, что сказал бы, увидев такую картину, наш хлебосольный хозяин.

– А так что он сказал? – испуганно спросила я.
– К счастью, барон довольно вежливый человек, он не стал нас тревожить. Скорее всего, ещё сам дрыхнет после вчерашних возлияний.

Пока я тёрла глаза, потягивалась и выбиралась из невероятно мягких перин, громила с улыбкой наблюдал за мной. Потом взял какой-то свёрток со спасшего меня вчера стула и бросил мне.

– Лови, слуги барона принесли это специально для тебя.
– Что это может быть? – удивилась я.
– Насколько я понял их бессвязную болтовню, это платье более подходящее для любимой служанки герцогини, чем то, что на тебя надели вчера.

Я развернула большой свёрток и ахнула. Никогда в жизни мне не приходилось видеть такого великолепия. Ярко-зелёная шерстяная ткань была расшита золотом. Вытертым и потускневшим от времени, но золотом. Очень широкие рукава крепились к лифу золотыми шнурами. Широкий вырез платья был отделан белым мехом, показавшимся мне горностаем с королевских мантий, о котором я только слышала.

– Это платье слишком роскошно для меня!
– Что ты ломаешься?! Барон, скорее всего, достал из сундуков один из нарядов своей матушки. Нельзя отказываться от такого щедрого подарка.

Ганс веселился, но я отнеслась к случившемуся совсем иначе. А громила продолжал потешаться:

– Вот мне повезло гораздо меньше. Слуги соврали, что не смогли найти ничего достойного внимания моей светлости. Дескать, у барона, все вещи скромные для герцога. Но я думаю, они просто не могли ничего найти среди шмоток своего щуплого хозяина, что я смог бы натянуть. А ты переодевайся. Если затянуть корсаж потуже, может быть, не выпадешь из платья.

– Отвернись, – потребовала я.

– Ух, ты! Какой приказной тон! Ты отлично вжилась в роль. Подчиняюсь, подчиняюсь, – хохотнул Ганс, – у меня нет ни малейшего желания за тобой подглядывать.

Мне стало обидно: зачем он каждый раз напоминает мне, что я совсем ему не нравлюсь?! Всё-таки он грубый громила и ничего больше.

– Громила, – вырвалось у меня вслух.

Он только усмехнулся, увлечённо рассматривая что-то за окном. Я тоже пыталась заглянуть через его плечо, но, сколько ни подпрыгивала, ничего не смогла разглядеть за частым свинцовым переплётom.

Я не сразу разобралась, как правильно его надеть, особенно долго возилась с золотыми шнурами. Представить себе не могла, что на один наряд можно истратить столько ниток.

– Ганс, ты случайно не знаешь, как получаются золотые и серебряные нити для украшения таких вот нарядов.

– Конечно, знаю, случайно, – отозвался громила, не поворачиваясь ко мне, – я всё знаю, а чего не знаю, сам придумаю.

– Какая самоуверенность, – буркнула я.

Дорогие золочёные шнуры надо мной просто издевались. Наверное, нужны долгие годы тренировки, чтобы быстро с ними справляться.

– Что, «королеве» не хватает служанок? – усмехнулся Ганс, подслушав моё сосредоточенное пыхтение.

– Не нужны мне никакие служанки, я уже сама справилась.

Опять наряд был больше меня. Баронесса была явно шире в талии. Я долго тянула золотые шнуры, пока платье, наконец, перестало сваливаться. Но завязывать их на спине самой было задачей совершенно невыполнимой. Как же мне не хотелось просить помощи у Ганса, но деваться было некуда.

– Помочь? – сам спросил он. – Не справляешься?

– Да, – неохотно призналась я.

Когда Ганс взялся неумело завязывать бантики из золотых шнуров, я с удовольствием отметила, что и ему это занятие давалось с великим трудом, но он не показывал виду, спрашивал весело:

– Тебе на два бантика или на три?

– На шесть, – отгрызнулась я.

– С твоими объёмами здесь и восемь получится. Только не уверен, что настоящие фрау так и делают.

– Всё равно, я не настоящая.

– Только никому об этом не говори. Пока, – шепнул мне на ухо громила.

Когда со злополучной шнуровкой было покончено, он потребовал:

– Повернись.

Я повернулась к нему, сияя от сознания своей красоты в этом роскошном праздничном платье.

– Нет, зелёный всё-таки не твой цвет, – заявил Ганс, критически осмотрев меня с ног до головы. – Ты в нём совсем уж какая-то дохлая. Не понимаю, что дворянки нашли в этом зелёном цвете.

– Тебя послушать, так мне вечно придётся носить скучный крестьянский коричневый.

– Ну, почему?! Тебе бы очень пошёл пламенный королевский пурпур, хоть цвет лица оживил бы.

– Не издевайся, не видать мне пурпура, как своих ушей. Я слышала, краски для таких тканей привозят из-за моря.

– Не зарекайся. Держу пари, неделю назад тебе и во сне и не снилось зелёное с золотыми шнурками платье баронессы. Не дуйся, может быть, ты кому-нибудь приглянешься. Только сделай что-нибудь с волосами. Вон ту белую тряпочку, кажется, для этого и принесли.

«Белой тряпочкой» на самом деле был красивый головной убор из тончайшего белоснежного батиста. Я повертела его в руках и стала прибирать волосы под его паутинку.

– Вот деревня! – хохотнул громила. – Надеюсь, ты просто забыла расчесаться?

– Расчёсываться мне нечем, – серьёзно объяснила я.

– А чем тебя не устраивает золотой гребень, который лежит на столе возле канделябра?

Опять этому грубияну удалось меня смутить! Я поспешно направилась к столу, хотела быстренько расчесаться и покончить с переодеванием. Но золотой гребень был столь красив, что я залюбовалась затейливыми изгибами его узоров. Золотую вещь украшали три больших синих камня.

– Неужели барон пользуется этой красотой каждый день? – восхищённо спросила я.

– Держу пари, он даже не замечает, чем чешет свою бестолковую голову. Главное, чтоб у него не было вшей.

– Ты что! У такого господина – вши?!

– Что ж, он не человек?! А раз человек, у него могут быть вши! Будь он собакой, были бы блохи.

Когда я распустила волосы и решила их расчесать драгоценным гребнем, Ганс за моей спиной произнес:

– Вот это по-настоящему красиво.

– Что? – не поняла я.

– Волосы у тебя красивые, – объяснил громила и, смутившись тем, что сказал комплимент, снова стал меня торопить, – шевелись, сколько можно тебя ждать?! На кого ты собираешься произвести впечатление?! Ты и так всем понравишься.

– Не хочу никому нравиться! – надулась я.

– Как раз это от тебя не зависит. Пошли проверим, много ли будет у тебя поклонников.

Он галантно подал руку. Я подхватила длинную юбку двумя пальцами точно так, как изображала знатную даму моя тётушка. И стараясь высоко держать голову, отправилась производить впечатление на богатых господ. Наверное, у меня получалось не слишком

убедительно, краем глаза я видела, как Ганс хитро улыбается, даже не пытаясь скрыть своего желания потешаться над липовой фразой. Но, войдя в большой зал, он сразу стал серьёзным и надменным.

Глава тридцатая УМНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Моргаю, моргаю, не могу понять, где я. То ли вхожу в большую залу средневекового замка, то ли выхожу из комнаты своей квартиры. Ну вот, Саша только подходит к моей двери, и я сразу оказываюсь в средневековье. Я ведь туда совсем не собиралась, а теперь мне даже интересно, что произошло дальше. Подумать только, я успела пережить такое количество приключений между двумя звонками во входную дверь. Даже ложилась спать, видела сны, выспалась и проснулась! Вот интересно, а Александр знает, что произошло с Гансом?! Третий звонок заставляет меня вернуться в двадцатый век и забыть про Анхен и громилу.

Бегу к двери, поворачиваю замок. Всегда так, если я очень тороплюсь его отпереть, старая железка вечно прокручивается: скрип, скрип. Стою, как дура, кручу рычажок.

– Лиза, ты чего так долго? Тебя что, пыльным мешком ударили?! – кричит из комнаты Марина.

– Замок заело, – объясняю я.

– Глупости! – заявляет она.

Подходит и с первого раза справляется с моим капризным замком. Открывает двери, и я нос к носу сталкиваюсь с возмущённой Сашей:

– Сколько можно держать приличных людей под дверью? Сто лет прошло!

– Шестьсот, – уточняю я, только примерно представляя, когда могли бы происходить приснившиеся мне приключения.

Александр со мной соглашается:

– Можно было сгонять в средневековье и обратно за то время, пока я тут торчал.

– Неужели ты так и сделал? – делаю вид, что удивляюсь.

– Не то чтобы я сам... ладно потом расскажу, – обрывает себя он, заметив Марину.

Она любезно улыбается Александру. Я тороплюсь их представить друг другу:

– Марина – моя давняя подруга, лейтенант милиции.

– Младший лейтенант, – уточняет она.

– Саша, мой...

– Раньше это называлось – мой жених, – смеётся он.

– А теперь? – строго, как на следствии, щурится младший лейтенант.

– Да я и сейчас не против так назваться.

– Ух ты! – восклицает Марина, – меня угораздило присутствовать на помолвке. Только, мне кажется, ради этого серьёзного мероприятия стоит уже войти в комнату и снять тёмные очки.

– Какой странный аксессуар для холодного, снежного дня, – удивляюсь я и снимаю очки у Саши с носа.

Я не могу сдержать злорадное хихиканье. Теперь, видно, пришла его очередь прятать за тёмными стёклами свежий синяк под глазом.

– Как тебя угораздило? – спрашиваю, давась смехом.

– Ерунда! Неудачно наскочил на кулак по тренировке по каратэ.

– Да... вы идеальная парочка, – заражается моей весёлостью Марина, – у неё синяк был слева, а у тебя справа.

– С этим синяком целая история! Потом расскажу, – шепчет мне Саша.

– Давай, для начала, отойдём всё-таки от входной двери. Мы с Мариной собирались устроить чаепитие со всякими вкусностями, присоединяйся.

Но не успевает Саша сесть за стол на кухне, как моя подруга сообщает:

– Хорошенькое намечается чаепитие, я тут обнаружила, что заварки в этом доме и нет.

– Не может этого быть, – возмущаюсь я.

– Пойду, схожу в магазин за чаем, вернусь через часок.

Она собирается и убегает так быстро, что я и сообразить не успеваю. А Александр крутит в руках ещё не распечатанную пачку цейлонского чая и смеётся.

– Какой невнимательный лейтенант!

– Зато теперь ты мне скажешь правду о своём синяке. Да?

– Да...

– Так с кем ты подрался?

– С бароном. Вернее, с тем, кто, мне кажется, похож на барона из средневековых видений.

– Мерзкий тип, – соглашаюсь я.

Александр не замечает моей осведомлённости, а я продолжаю допрос:

– Излагай с самого начала. Из-за чего вы сцепились?

– Если с самого начала, то надо рассказать, как я зашёл в магазин и засмотрелся на стоявшую в очереди передо мной девчущку – мулаточку лет шести. Хорошенькое чудо, этакий смуглый ангелочек в тёмных кудряшках. Она подала продавщице деньги и попросила, как петербургская профессорша:

– Будьте добры подать мне коробку яблочного сока.

Откуда она только она взялась такая в наших дебрях?! Продавщица заулыбалась:

– Пожалуйста. Приходи ещё.

– Благодарю.

Девчущка пошла к выходу, а я не удержался от того, чтобы повторить её устаревшую вежливую фразу. «И вам сок?» – удивилась продавщица. Сок я покупать совсем не собирался, но отказываться не стал. Выхожу на улицу, вижу – вокруг крохотного ангелочка стоят трое поддатых жлобов, лет двадцати, ржут, толкают девчонку.

– Отправляйся в свою Африку к своим обезьянам!

- Нечего делать в нашем городе!
- Сока яблочного захотела?! Жри бананы!
- Вот тебе сок!

Тот, что напоминает мне барона, небритый, отвратный, вырвал у ребёнка сок, бросил на землю, наступил. Коробка лопнула, сок растёкся по земле.

– Россия для русских!!

Я не выдержал:

– Русские так не поступают!

Он обернулся ко мне, оскалился:

– Это кто сказал? Сам-то нерусь! Башка чёрная!

Они сразу полезли драться. Ох, и досталось бы мне, если б всё детство не занимался каратэ. Правда, синяк всё равно успел словить. Но я уверен, им тоже мало не показалось! Трусые, сбежали, быстрее, быстрее! Девчонка стоит, трясётся, чуть не плачет.

– Я так испугалась!

– Не реви, всё кончилось.

– Они сок разлили!

Я очень обрадовался, что купил лишнюю коробку, отдал ей:

– Всё хорошо.

– Они больше не вернуться?

– Уверен, что больше не вернуться.

– Они уже не первый раз ко мне пристают. И никто никогда не заступался! Спасибо!

– Как тебя зовут?

– Алёнка.

Я проводил её до квартиры. Так что теперь я знаю, где в нашем городе живет шоколадка Алёнка!

Я слушаю его рассказ и невольно вспоминаю, как громила хвастался Анхен тем, как легко справился с баронскими слугами.

– Так ты у меня настоящий герой?!

Он притворяется скромником, опускает глаза.

– Да я что?! Я ничего...

– Ты ещё скажи: «Сижу, никого не трогаю, примус починяю».

– Вот чего не умею, так это примусы чинить!

– Что ж ты так?! – смеюсь я. – До таких лет дожил, а главному так и не научился! Обожаю скромных героев! – восклицаю я и усаживаюсь Саше на колени.

Марина возвращается из магазина без заварки, зато с целой кучей всяких булочек, пирожных, крендельков и ватрушек. И мы завершаем вечер богатым чаепитием. Жуя сладости, я узнаю о себе много нового. Марину почему-то тянет на откровенные разговоры.

– Знаешь, Саша, а наша Лиза за последнее время сильно изменилась. На самом деле она совсем не такая, какой ты теперь её знаешь.

– Неужели?! – удивляемся мы оба.

- И что же во мне так кардинально изменилось? – уточняю я.
  - Это трудно объяснить.
  - Уж постарайся, сформулируй! Говорят, вас этому специально учат.
  - Зря говорят! – смеётся Марина. – Вы бы знали, какую чушь опера пишут в своих рапортах. Вот бы их на самом деле кто-нибудь поучил формулировать мысли! Но мы отклонились от темы, – признаёт моя точная подруга.
  - Да, что там во мне не так?
  - Легкомыслия поубавилось.
  - Ну, ещё бы, хотела бы я посмотреть на того, кто остался бы беззаботным после всех моих злоключений, – возмущаюсь я.
  - Погодите, о чём это вы? – не понимает Саша.
- У меня совсем нет желания немедленно рассказывать Саше про моё пребывание в психушке. Делаю вид, что не слышу вопроса и перевожу «стрелки»:
- Сама-то, сама-то, после первых месяцев твоей службы в органах я вообще не знала, с какой стороны подобраться. Ни здравствуйте, ни до свидания, одни команды! Уж и не надеялась когда-нибудь ещё вот так просто и беззаботно посидеть с тобою, полакомится сладостями.
  - Из твоих слов следует, что ограбление пошло мне на пользу?
  - Чувствую я здесь лишний, – обиженно говорит Саша, – пора мне честь знать, но я никуда не уйду, пока ты не пообещаешь мне, что мы проведём вместе весь завтрашний день.
  - С превеликим удовольствием, – счастливо улыбаюсь я.
  - Так, а институт опять побоку?! – напоминает Марина.
  - Честно говоря, пора уже там появиться, я попадаю на учебу слишком редко. Как бы мне не аукнулось на ближайшей сессии, – хмурюсь я. – А ну его, этот институт!
  - Так нельзя! Этак во время сессии совсем не останется минутки свободной? Лучше встретиться после занятий. Я с утра тоже побегаю по делам, – предлагает Саша, – а потом что-нибудь придумаем.
  - Только экстремальным спортом я заниматься больше не буду! – предупреждаю я.
  - Хорошо, хорошо, найдём что-нибудь очень мирное, сходим в гости, – обещает он.

На следующий день институтские занятия тянутся особенно долго. Я с трудом стараюсь не заснуть под монотонный голос преподавателя: «В случае уменьшения толщины материала только на 20%, его прочность уменьшится вдвое». Далее нам предлагалось впечатлиться и ужаснуться выше сказанным. Положительно, у каждой профессии свой юмор.

Саша встречает меня возле института, рассказывает:

- Я честно хотел провести сегодняшний вечер только вдвоём, но едва заикнулся дома о том, что намерен улизнуть, как мама тут же предъявила мне ультиматум. Короче говоря, придётся нам выдержать семейный ужин.
- Надеюсь, обойдётся без горных лыж? – смеюсь я.

– Клянусь, сегодня не будет ничего общего с прошлой попыткой отыскать отца.

– Ну, если ты готов ограничиться ужином в кругу семьи, я буду только рада принять участие.

Трудно передать, с каким любопытством я отправляюсь на это мероприятие. Что может рассказать о человеке больше, чем его дом?! Да и Сашину маму мне тоже очень хочется увидеть. Есть ли между нами что-нибудь общее?! Ведь я сто раз читала во всевозможных психологических книжках, что подсознательно мы выбираем любимых людей по образу и подобию собственных родителей. Очень бы не хотелось обнаружить, что я на неё совсем не похожа, и понять, что все мои романтические надежды напрасны!

Первое, что я вижу – красивый дом сталинской застройки, жить в котором сама мечтала ещё в детстве. Я однажды уже бывала здесь, в одной из квартир, но она оказывается бледным подобием того, что открывается передо мной. В прихожей, т.е. в огромном холле, мог бы с успехом поместиться большой зал, конечно, не средневекового замка, но мой уж точно. Там нас встречает Сашина мать. Полная, ещё красивая блондинка, она по-домашнему собрала волосы на затылке, на шею выбились упрямые кудряшки, совсем как у моей мамы. Она мне сразу понравилась, даже показалось, что я её знаю уже давным-давно. У её ног трётся большой толстый дымчато-серый кот.

– А я ждала вас позже, – мягко улыбается она, вытирает полотенцем мокрые руки.

Саша торопится нас познакомить и тоже удивляется:

– Вы что, уже встречались?

Мы отрицаем, но улыбаемся друг другу, как заговорщицы. Анна Валерьевна манит меня на кухню.

– А меня бросаете одного?

– Ты обещал отцу дозвониться до Петербурга.

Кухня похожа на маленький полигон. Впечатляет меня не меньше холла. Я стараюсь скрыть изумление, бодро спрашиваю:

– Чем помочь, что порезать, настрогать?

– Комбайн настрогает, – смеётся Анна Валерьевна. – А ты лучше усаживайся вот здесь, рассказывай, как вы познакомились с моим сыном.

Я сразу теряюсь, трудно выбрать, с чего начать. С шапки с помпоном или синяка под глазом. На всякий случай выбрасываю пикантные подробности.

– Мы просто столкнулись на улице.

– Между двумя лужами, – уточняет Сашина мама.

– Он вам всё рассказал?

– И не один раз, я только хотела убедиться, что так оно на самом деле и было.

– Чтобы он вам ни рассказывал, в жизни у нас получается ещё запутанней, – признаюсь я и прошу: – Найдите мне всё-таки хоть какое-нибудь занятие, мне просто неловко сидеть, сложа руки, когда вы заняты готовкой.

– Тогда... тогда нарежь колбасу.

Я вооружаюсь ножом, беру тонкую палку копчёной колбасы, приступаю к делу и удивляюсь:

– Какие у вас ножи острые.

– Вот одно из преимуществ, что в доме двое мужчин. Я и представить не могу, как можно пользоваться тупыми ножами.

– А я только и мечтаю хорошо наточить хотя бы один, – смеюсь я, – совсем отвыкла от такого удовольствия.

Стараюсь, чтобы колбасные кружочки были тонкими и аккуратными. Резать непривычно легко. Я забываю, что не нужно прикладывать лишних усилий. И попадаю по пальцу.

– Ой!

– Александр! – тут же кричит Анна Валерьевна.

Я стою, озадаченная тем, что происходит вокруг. Мой кровоточащий палец неожиданно вызывает волнение и суету. Прибегает Саша, бросает один взгляд на палец, опять убегает, возвращается с йодом и пластырем, принимается меня лечить. А мне хочется глупо хихикать. Вот уж не ожидала вызвать такой переполох своей пустячной ранкой. Покончив с пластырем, Саша говорит, словно оправдываясь:

– Не смотри на меня как на умалишенного! Когда мать – медик, привыкаешь крайне серьёзно относиться к любимым мелочам.

– Ты всегда такой заботливый, – улыбаюсь я.

– Только с теми, кого люблю, – шепчет мне он на ухо.

– А как же та негритяночка? – лукаво шурюсь я.

– Она же ребёнок, разве ты не любишь детей?

– Так, чисто теоретически.

– Бог с ними, давай опять лечить тебя. От кухонных работ ты по болезни освобождаешься и наказываешься разглядыванием достопримечательностей в моей комнате.

Главной достопримечательностью его комнаты оказывается громоздкий компьютер. Впервые вижу эту штуку – вот так запросто стоящую в квартире. Хотя, судя по голливудским фильмам, в Америке это уже давно обычное дело. Но гораздо больше меня интересуют многочисленные модели судов, расставленные на полках. От старинных парусников до авианосцев. Я поражаюсь обилию мелких деталей.

– Неужели ты сам всё это собирал?

– Собирал, клеил, подбирал одно к другому. В этом же вся прелесть! Не понимаю тех, кто покупает готовые модели. Они теряют массу удовольствия, не желая колупаться своими руками.

– Представляю, сколько времени у тебя ушло, чтобы собрать весь этот флот.

– Большинство кораблей я собрал ещё в детстве.

В комнату с видом полноправного хозяина входит английский котяра. Тяжело запрыгивает на кресло, подставляет свою большую щекастую

голову мне под руку. Я его глажу, чувствую под пальцами тёплый бархат его шкурки. Кот начинает громко и важно урчать.

– Похоже, ты ему нравишься. Редкий случай, обычно он очень долго присматривается к гостям.

– Как тебя зовут? – улыбаясь, спрашиваю кота.

– Стивенсон, – отвечает за него Александр.

– Он что, писатель?

– Все коты писатели, особенно в детстве, пока не привыкнут к своему месту. Хотя он был уже большим, когда налил полный ботинок одному папиному партнёру. Как тот потом разорвался про дорожную крокодиловую кожу, – весело рассказывает Саша.

– Партнёры-то не поссорились?

– Потом оказалось, что Стивенсон был прав. Тип в дорожных ботинках кинул отца на круглую сумму. С тех пор мы стали внимательнее следить за пристрастиями кота. Полезный оказался мамин подарок.

– Вы же живёте все вместе.

– Живём вместе, а котов мама всегда приносит в дом, как подарок мне.

– Знаешь, я очень удивилась, что ты до сих пор живёшь с родителями, – признаюсь я.

– Отец давно предлагает купить мне квартиру, а я все отказываюсь. Я успел пожить самостоятельно, пока пять лет учился в Питере...

– Я знаю.

– Откуда?

– Я тебя там видела.

– Неужели ты помнишь всех, кого видела в Петербурге?

– Только некоторых.

Я стараюсь закрыть тему, не желая вспоминать и рассказывать про влюбленную девчонку в шапке с дурацким помпоном.

– Значит, самостоятельность не понравилась, предпочитаешь под маминым крылышком?

– Ещё бы, – смеётся Саша, – мне самому никогда не приготовить ничего даже отдалённо напоминающего мамины блюда.

– Готовить ты не умеешь, это уже кое-что, а то я совсем о тебе ничего не знаю. Скажи хотя бы, чем ты занимаешься сейчас?

– Работаю у отца в фирме, числюсь одним из замов, но моя должность носит длинное название: «Дай, подай, принеси, иди на фиг, не мешай». Есть ещё одно наименование, – смеётся Саша, – «Ты бы...». «Ты бы съездил к поставщикам», «Ты бы проверил ведомость», «Ты бы составил смету»...

– Ты бы дозвонился до Питера.

– Точно, точно.

– А в свободное время собираешь модели кораблей.

Я увлечённо рассматриваю кораблики, пока Александр не сообщает:

– Всё. Пора перемещаться в зал, пришёл отец с Семёном Семёнычем.

– Семён Семёныч? – настораживаюсь я. – Не может быть, чтобы здесь появился Маринкин сосед.

Но первым, кого я встречаю в большой красивой комнате, где уже накрыт нарядный стол, оказывается добродушный «волшебник», знакомый моей подруги.

– Рад вас снова видеть, сударыня, надеюсь, ваш старый диван был выброшен не напрасно?

– Его почти сразу заменили новым, – рассказываю я, поздоровавшись.

– Марина довольна заменой?

– В высшей степени.

– Настолько, что ей не хочется даже появляться дома? – добродушно смеётся Семён Семёныч.

– Уверена, что это не из-за дивана.

– Раз все друг друга знают, садитесь скорее за стол, – поторапливает Сашина мама.

– А я всё поражаюсь, – подхватывает Владимир Петрович, – насколько маленький у нас город, все друг с другом знакомы или, по крайней мере, встречались хотя бы раз.

– И не только город маленький, мы с Лизой, оказывается, встречались в Питере.

– А ты, позорник, этого и не помнишь, – укоризненно качает головой Владимир Петрович.

– Специфика человеческой памяти, – застывает за Сашу Семён Семёныч, – про одно и то же событие каждый помнит то, что ему ближе. И часто воспоминания разных людей об одном и том же событии кардинально отличаются друг от друга.

– Неужели конец света мы умудримся запомнить по-разному? – вставляю я.

– Этот момент особенно, – загорается Семён Семёныч, – я полагаю, что для каждого человека конец света свой, сугубо индивидуальный, и приходит ко всем в разное время.

– Самое интересное, что большинство переживают свой персональный армагеддон вполне благополучно, – замечает Сашин отец. – Но спроси любого, когда это произошло в его жизни, он сразу назовет точную дату.

– Кстати, о датах, – вмешивается Александр, – я как-то слышал, что в 2025 году нас ждёт «поворот от зелёного к квадратному». Хотел бы я знать, что это значит.

– По всей видимости, тот, от кого ты это слышал, – охотно объясняет Семён Семёныч, – имел в виду ожидающие нас кардинальные изменения в области точных наук, особенно в физике. Как он ловко обошёл необходимость признать, что современная наука не располагает достойной доверия информацией о том, чего нам ждать.

– Уважаемые профессора, – громко произносит Анна Валерьевна, – оставьте, хотя бы на время ваши увлекательные научные дискуссии и обратите внимание на плоды моих стараний.

Вняв её словам, все разом занялись едой. Заставляю себя сделать паузу в поглощении сказочно вкусного салата, тихо спрашиваю у Саши:

– Так значит Семён Семёныч профессор?

– Ещё какой, занимается наукой, преподает, даже дома возится со студентами.

– Теперь понятно, помощники, которых он прислал Марине, были его студентами, – бурчу я сама себе, снова погружаясь в приятный процесс уничтожения салата.

Какое-то время за столом царит аппетитное чавканье, вернее сказать, тишина царит полная, не смотря на обилие вкусов, все едят аккуратно, как на приёме английской королевы, я тоже стараюсь соответствовать. Прилагаю массу усилий, чтобы не ронять и не размазывать. Ненавижу этикет! Ну, хоть бы маленький армагеддончик, чтобы нарушить этот чинный порядок. Профессора опять заводят научные беседы:

– Я сейчас увлечён одной гипотезой. Мне уже давно кажется, что уже пора пересмотреть незыблемый постулат о том, что наш мир трёхмерен, – увлечённо произносит Семён Семёныч.

«Ох уж мне эти физики!» – грустно думаю я.

А он продолжает развивать свою теорию:

– Кроме длины, широты и высоты, время необходимо указывать при любых измерениях и учитывать его сразу, а не постфактум, как отдельную проблему. Ведь на земле нет ничего, что не изменилось бы с ходом времени.

– На мой взгляд, – поддерживает друга Владимир Петрович, – отношение к феномену времени в нашей науке слишком осторожное, испуганное какое-то. Мы научились его учитывать, но в наступающем двадцать первом веке пора уже начать с ним взаимодействовать, влиять на эту величину так же, как мы научились менять остальные.

– Управлять ходом времени? – настаиваю я. – Возвращать прошлое?

– Почему бы и нет? Сейчас как раз подходящий момент для подобных экспериментов. Конец тысячелетия не может не быть ознаменован новым явлением.

– Проще говоря, сейчас должны непременно происходить чудеса со временем, – подытоживает Александр.

– Существует множество различных версий, но все они сводятся к тому, что мы живём в удивительные дни, – говорит Семён Семёныч.

– Всё, всё, хватит научных теорий, – смеётся, видно, уже привычная к таким застольным беседам Анна Валерьевна. – Не то, чего доброго, изобретёте машину времени.

– А что, было бы совсем неплохо, – подхватывает Владимир Петрович. – Ведь это не такая уж неразрешимая задача.

– Вот уж не собиралась подкидывать новую тему для дискуссии, – улыбается Сашина мама. – Вы можете хоть ненадолго оставить физику в покое?

– Человек может всё! – гордо произносит Семён Семёныч.

– Анна права, дискуссии пора закрывать. «Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе, да какая разница!»

Мне так и не удаётся услышать научного объяснения того, что происходит со мной в последнее время.

Глава тридцать первая ОТ ОТЧАЯНИЯ К НАДЕЖДЕ

Отправляюсь домой, когда на землю спускается ранний осенний вечер. Саша предлагает отвести меня на машине, но мне опять хочется прогуляться по раскрашенным фонарями улицам. Он неохотно соглашается. Мы одеваемся, выходим из дома. Но едва успеваем неспешным прогулочным шагом пройти метров триста, как я понимаю, что очень погорячилась, настояв на прогулке.

– Говорила мне мама, что эти сапоги рано или поздно начнут тереть, а я погналась за модной моделью.

– И что?

– Вот результат, при всем желании я не способна идти дальше!

– Странно, я всегда думал, что трёт только новая обувь.

– Напрасно ты так думал!

Я не могу сдерживать отвратительно страдальческие гримасы перекосившие моё лицо.

– Я готова разуться и идти босиком!

– Зачем идти? – возмущается Саша. – Я пригоню машину, сядешь и разуешься.

– Прекрасный план, пожалуйста, возвращайся быстрее, – жалобно скулю я.

– Я мигом, только ты никуда не уходи. А может, тебя отнести домой, и ты подождёшь там?

– Нет! – почему-то решительно отказываюсь. – Я буду дышать здесь.

– Тогда я побежал.

Он пулей уносится обратно. Я остаюсь стоять на тротуаре. Ещё минуту вся себя чувствую одной жутко натёртой пяткой, но боль постепенно стихает. Мне надоело ждать, и я робко делаю один шаг. Боль не возвращается, зато я чувствую, что от неподвижного стояния ноги начинают подмерзать. «Ох уж мне эта модная обувь!» Делаю ещё шаг, ещё, ещё. Задираю голову, разглядываю новые фонари в стиле Пушкинских времен, ещё шаг...

Не посмотрев под ноги, наступаю на крышку канализационного люка, она переворачивается! Я падаю! Падаю внутрь, темноту! Страшно! Искрой проносится мысль: «Потерять бы сознание, ничего не чувствовать!»

Темно. Яркий свет показался мне ослепительным. Я даже не могла понять, откуда его так много в большой зале. Жёлтый весёлый яркий солнечный свет переполнял комнату. Я с удивлением вижу на противоположной стене три больших высоких стрельчатых окна.

– Их же не было вчера вечером, – вырвалось у меня.

– Какая же ты внимательная, – шепнул мне Ганс, – просто они были закрыты чёрными бархатными портьерами. Постарайся скрыть удивление, думаю, в герцогском замке окна ещё больше.

Я выпрямилась, приняла благородный вид, подходящий к моему новому наряду. Пока барон и «герцог» обменивались затейливыми приветствиями и поклонами, я разглядывала удивительные окна. Их сияние казалось таким ослепительно летним благодаря витражам, состоящим в основном из жёлтых стекол. Художник пытался изобразить на витраже райские сады. Но, видно, был плохим мастером, и все фигуры были грубы и некрасивы. Однако барон очень гордился своими окнами. Первое время он просто не мог говорить ни о чём другом.

– Как вам нравится моя новинка? Я, знаете ли, не так давно побывал в Италии, там с пренебрежением относятся к нашим неприступным замкам. Плюют на безопасность и устраивают в своих палатках огромные окна везде, где это только возможно. В них так светло и радостно, что я непременно решил устроить у себя что-нибудь подобное. Нашел архитектора и велел пробить в этой стене три самых больших окна, какие только возможны.

В зале уже собрались все вчерашние «собутыльники», барон уже не раз пересказывал им историю своих витражей. Но они ещё раз вежливо выслушали его хвастовство и даже задавали вопросы.

– Вы долго его искали?

– Первого я выгнал, он утверждал, что исполнить мою фантазию невозможно.

– Но ведь кто-то с этим справился.

– О да, я нашёл другого. Он долго возился, но сделал-таки три дырки в стене, а потом превратил их в красивые окна.

– Неужели и витражи работа того же человека?

– Нет, пришлось нанять художника и платить ещё и ему. Столько денег потратил, будто новый замок строил.

– Оно стоило того, эти витражи великолепны, – важно произнёс мнимый герцог.

В высшей степени довольный его похвалой, барон, наконец-то, оставил тему своих окон и предложил:

– Господа, за долгие годы нашёл только одно средство от скуки. Давайте сыграем в кости.

Его приятели шумно поддержали:

– Чем ещё можно заняться в нашей глуши?!

– Почитать хорошую книгу, – произнесла я, совсем вжившись в роль приближённой герцогини. И сразу поняла, что ляпнула глупость.

Барон и вся его компания дружно загоготали.

– Может, ещё жемчугом вышивать?!

– У женщин свои занятия, – вступился за меня «герцог Ольденбургский».

– Не стоит быть к ним слишком суровыми.

Грубый смех разом смолк.

– Возможно, фрау и права, однако прежде, чем посвятить себя интересному чтению, нужны долгие неприятные часы обучения этому умению. Я предпочёл не тратить на это своё время, – признался барон.

– Барон прав, нам более приличествует старинная рыцарская игра в кости, – поддержал его «герцог».

Барон с радостью указал на ещё один предмет своей гордости – стаканчик с костями. Но не обыкновенный, а украшенный затейливыми узорами.

– Эту диковину мне привезли с востока, магометане в кости не играют, предпочитают нарды и шахматы. У них там мания украшать всякую безделицу драгоценными камнями и тонкой работой.

«Герцог» поднял стаканчик и заглянул внутрь.

– А игральные кости-то внутри самые обыкновенные.

– Честно говоря, не могу себе представить украшения, которые не помешали бы игре.

– Чем проще, тем лучше, – весело сказал Ганс.

Я с удивлением наблюдала, как ловко он преобразается из грубого парня в солидного вельможу. Опять ожило во мне сомнение в том, кто на самом деле мой спутник.

Приятели барона охотно уселись за непокрытый стол. Барон кидал кости первым, ему сразу не повезло. Выкинув только троечку, он сразу потерял надежду на выигрыш. Дворяне так торопились начать азартную игру, что позабыли даже договориться о ставке. Спohватившись, стали вытаскивать свои туго набитые кошельки. Я испуганно смотрела, что же станет делать мнимый герцог. Он и бровью не повёл, только стал ещё более напыщенным.

– Очень мило, – досадливо произнёс громила, – я совсем позабыл, что к этому дурацкому костюму для точности впечатлений взял с собой жалкие деньги. И мне стыдно доставать их в приличном месте.

– Позвольте, герцог, я сделаю ставку за вас, – маслено разулыбался барон.

– Вы очень меня этим обяжете, в случае проигрыша верну с троицей, выигрыш же поделим пополам.

Хозяин улыбался все масленей. Нахальный Ганс умудрился выиграть и забрать несколько золотых. Я была просто в ужасе от того, что он зарывается ещё больше. Ловкий громила зарабатывал на доверчивом тщеславии барона. И при этом был удивительно спокоен. А я не могла усидеть на стуле в скромной позе, как подобало роли, которую я играла. Мне хотелось соскочить и убежать, заранее спасаясь от тех бед, которые могли обрушиться на наши головы.

И они обрушились. Вошёл Фриц со скучным, но торжественным лицом и громко объявил:

– Герцог Ольденбургский с супругой.

Я замерла от ужаса, не в силах шевельнуться. «Боже! Что сейчас будет?!» – гремело в моей голове, как набатный колокол. Все движения остальных участников немой сцены виделась мне замедленными, как в печальном танце. Барон широко открыл рот, собираясь что-то крикнуть, но не знал, что теперь кричать. Его приятели хватались за шпаги или заганно оглядывались. Зато Ганс действовал решительно, будто заранее отрепетировал каждый жест. Он не спеша сложил в свой потёртый кошелек выигранные золотые монеты, даже привычно взвесил его на руке. Поднял одной рукой один из тяжёлых с высокой резной спинкой дубовых стульев и, широко размахнувшись, швырнул его в центральный витраж. Стекло со звоном разлетелось на сотни осколков. Яркие стекляшки дождём осыпались на серые камни пола. Разбитое окно, как дыра, зияла в середине стены. Громила одним прыжком оказался возле меня, рывком схватил меня на руки и ринулся к окну. Я зажмурилась и боялась открыть глаза, когда почувствовала резкий толчок. Ганс уселся на лошадь; только тогда я решила открыть глаза, когда поняла, что он крепко меня держит на седле перед собой. А конь несётся бешеным галопом.

– За нами гонятся? – мой голос сорвался со страха.

– Само собой, – весело откликнулся Ганс.

– Что мы будем теперь делать? – я горестно всхлипнула.

– Уходить от погони.

– А потом?

– Какая ты шустрая, хочешь сразу всё знать. Сначала погоня, а потом...

– Ты что-нибудь придумаешь, я знаю.

– Как скажешь.

Многочисленная погоня сильно отставала от нас. Но холёный баронский конь, которого всё пришпоривал Громила, вот-вот мог выдохнуться под двумя седоками. Ганс крутил головой, ища место, где спрятаться. Когда по краям дороги поднялся густой лес, громила спросил неожиданно:

– С лошадью справишься?

– Не-е-е-ет! – отчаянно крикнула я, когда он вдруг спрыгнул за землю и я одна осталась в седле.

– Ты лёгкая, – закричал мне Ганс весело. – Гони во всю прыть. Пусть гонятся за тобой! Я с ними разберусь!

Никогда в жизни мне не было так страшно, хоть за последнее время я уже стала привыкать к этому чувству. Но править бешено несущейся лошадью, неудобно сидя боком, оказалось выше моего понимания. Я все силы тратила на то, чтоб только не свалиться под копыта коня. Моё сердце билось быстро-быстро, его удары шумели в ушах. От страха зуб на зуб не попадал. Я боялась повернуться, но слышала, что грозные звуки погони стали редеть и будто отстали. Я хватала ртом воздух и скакала,

скакала вперёд по дороге. Мне показалось, что успело пройти лишь мгновение, а мой конь уже стал ронять хлопья пены и устало всхрапывать. Я не сразу поняла, что он двигался всё медленней и медленней, пока конь совсем не перешёл на шаг. При таком аллюре я даже смогла посмотреть назад. Там никого не было: ни преследователей, ни моего громилы. По спине пробежал противный холодок.

– Одна! Совсем одна! – громко вскрикнула я.

Конь мой вздрогнул и встал. Раньше я не верила, что породистые жеребцы просто могут замереть и остановиться от усталости, точно так же, как деревенские тяжеловозы или упрямые ослики. Я сползла со спины измученного животного. Почувствовав, что колени дрожат и ноги подкашиваются, я схватилась за уздечку руками и повисла на ней.

– Держи меня.

Конь как будто понял, покосился умными глазами. Хорошо ему, он не боится одиночества. А я даже боялась додумать до конца мысль о том, что Ганс погиб и никогда не вернётся. Мне очень хотелось броситься назад, туда, где он остался, и искать моего громилу, но я знала, что будь он здесь, Ганс отчитал бы меня за бестолковые мысли. Он же велел мне скакать совсем в другую сторону. Я не знала, что делать. От страха и отчаяния кружилась голова, мир казался зыбким. Мне вдруг стало холодно.

– Как жаль, что мой тёплый шерстяной плащ так и остался в баронском замке, – вздохнула я, – Ганс бы обязательно что-нибудь придумал, может, костёр развёл бы.

Мне стало стыдно за то, что я так привыкла во всём надеяться на громилу, что мне даже в голову не пришло развести самой. Я потянула коня за повод.

– Давай-ка уйдём с дороги, здесь нас слишком хорошо видно. Устроимся вон под тем старым дубом.

Конь, само собой, спорить не стал. Привязав его к толстой ветви дуба, я принялась собирать хворост. Но большая куча сухих веток ещё не костёр. В моём нарядном платье не было и быть не могло сумки для огнива. У меня оставалась единственная надежда на то, что в седельной суме найдётся столь необходимый мне предмет. Я тщательно обшарила всё, что барон считал нужным брать в дорогу. Там было много бесполезных вещей: флакончик с ароматной водой, крохотный веер, тупой, уже тронутый ржавчиной кинжал с украшенной дорогой резьбой рукоятью и большой кусок белёной льняной ткани с вышитым баронским вензелем, видимо, служивший в дороге полотенцем. Но и вожделенное огниво нашлось в седельной сумке. Осторожно развязав кожаный мешочек, я вытряхнула на ладонь всё, что мне было нужно для того, чтобы согреться у костра.

– Просто удивительно, что хотя бы здесь всё хранится в полном порядке, – улыбнулась я, – ни ржавчины, ни плесени и трут сухой.

Находка меня порадовала и взбодрила, однако разговаривать самой с собой было очень грустно. Я ловко высекла яркую искорку. Трут занялся

огоньком, но тут же погас. Я повторила попытку снова и снова. Но вместо весёлого огонька передо мной плясал только сизый дымок.

– Да что ж это такое?! Даже костра не могу сама разжечь, – расплакалась я.

Сидела, растирала слёзы по щекам, всхлипывала, мёрзла. Будто пожалев меня, над моей кучей хвороста поднялся одинокий синенький язычок пламени. Полизал тонкую веточку, пробежался по ней, пропал и поднялся вновь весёлым рыжим костерком. Как замороженная, я следила за его движениями, протянула к костру замерзшие пальцы, почувствовала ласковое тепло.

– Хорошо устроилась, зелёный заморыш.

Я повернулась на голос, протёрла заплаканные глаза.

– Ганс! Как хорошо!

Я хотела броситься к нему на шею, но он устало отстранился.

– Подожди, – вздохнул Громила, – я только посижу, отдохну...

Он опустился на сухую корягу, я не могла сдержать испуганного крика.

– Ты весь в крови!

– Это не моя... в основном...

Вся его одежда была в бурых, уже засохших пятнах, но одно, тёмное и мокрое, неумолимо расплзлось по его боку.

– Ты тяжело ранен?!

– Ерунда.

Он сполз с коряги, разлёгся на голой земле, прикрыл глаза.

– Я щас, я мигом... я соберусь...

Я бросилась к нему.

– Ганс! Ганс!

Он меня не слышал. Я сразу вспомнила всё, чему учила меня мать. Что любую рану нужно промыть и туго перевязать. Я беспомощно оглянулась вокруг. Чем промыть? Чем перевязать? Я подбежала к коню, снова стала шарить в седельной сумке. Большое полотенце, пахучая бутылочка. Вернулась к Гансу. Под изорванной курткой всё в крови. «Я боюсь крови» – вспомнила я и сразу забыла. «Некогда бояться!» В заветной баронской бутылочке жидкости всего ничего, хотела плеснуть на полотенце и передумала. Наклонилась, оторвала край от своей нижней рубахи. Намочила, протёрла рану. Прижала к ней сложенное полотенце с вензелем, искала глазами, чем бы завязать. Опять в дело пошла длинная полоса, оторванная всё от той же нижней рубахи.

Закончила, перевела дух, а Ганс так и не приходил в себя. Я расседлала коня, тот уже шарахался, когда я приближалась к нему, наверное, вид у меня был очень дикий. На красивую бархатную попону с огромным трудом, но всё же смогла уложить громилу, а седло положила ему под голову.

Пока я была занята хлопотами вокруг раненого, думать о будущем было некогда. Но когда я поняла, что больше ничем не смогу помочь Гансу и мне осталось только поддерживать огонь, страх снова подступил ко мне и

забрался в душу. Я сидела на корточках возле костра, подбрасывала тонкие прутики, смотрела, как они чернеют, гнутся и исчезают в пламени. Искала, но не находила ответа на вопрос: «Что же делать дальше?». Я чувствовала себя такой одинокой и беспомощной. Оставалось только молиться. Грустно шептала я латинские молитвы, выученные ещё в детстве.

– Нашла время и место, – прервал мою набожность хриплый голос.

Я вскинула глаза. Надо мной, как гора, возвышался незнакомый бородатый человек. Вся его одежда была сшита из кусков грубо выделанной вытершейся от времени кожи. Он показался мне огромным, даже больше и выше громалы.

– Кто вы такой? – испуганно выдохнула я.

– Не бойтесь, госпожа, я местный лесоруб, просто лесоруб.

– Госпожа? – глупо переспросила я, не сразу сообразив, что на мне дорогое платье.

– Проводить вас в замок?

– Ни за что! – возмутилась я. – Мне нужна совсем другая помощь.

– Всё, что госпожа прикажет, – с тупой готовностью произнес лесоруб.

Я совсем растерялась, первый раз в жизни оказавшись в такой роли. Отдавать распоряжения я совсем не умела. Куда проще было задавать вопросы:

– Что ты здесь делаешь?

– Ищу подходящие деревья для баронских каминов. Потом их срубаю, грузу на телегу и отвожу в замок, – подробно объяснил хриплый бородач.

– А живёшь ты далеко?

– Нет, госпожа, совсем рядом отсюда. Барон разрешил мне построить хижину в его лесу.

– И телега у тебя есть, – вслух рассуждала я.

– Есть... – подтвердил здоровяк.

Я воспряла духом, Бог услышал мои молитвы. Наконец-то я знала, что делать. Решительно поднялась и распорядилась:

– Видишь раненого? Его обязательно надо отвести в твою хижину и вылечить.

– Это я легко, – обрадовался лесоруб. – Хворых выхаживать меня бабка учила, всё повторяла, что в жизни пригодится. Вот и пригодилось!

– Вези сюда быстрее свою телегу.

– Слушаюсь, госпожа! Вы только подождите чуток, – заторопился бородач.

Я милостиво кивнула. Теперь я могла спокойно ждать, уверенная, что всё будет хорошо.

Глава тридцать вторая ХИЖИНА В ЛЕСУ

Хижина дровосека пряталась в самой чаще. Но узкая грязная вся в ямах и выбоинах дорога, долго петлявшая по лесу, вела к самому порогу.

– Ох, и долго я возился с тем, чтобы здесь проходила телега, – охотно рассказывал бородач. – Но мне обязательно нужна дорога, а то где ж я буду оставлять коня и телегу?!

– Что-то я не вижу конюшни.

– Вон в том сарае, – пальцем показал дровосек, – я держу своего тягеловоза и телегу. Туда и вашего красавчика пока поставим.

Как ни мало меня интересовала судьба баронского скакуна, но даже мне стало его жаль, когда я увидела, где ему предстоит провести ближайшую неделю. Сколоченный из толстых досок сарай через широкие щели продувался всеми осенними ветрами, и, казалось, вот-вот был готов завалиться набок. Впрочем, и жилище самого дровосека не слишком отличалось от него. Это была небольшая землянка, верхняя часть которой, так же, как сарай, кренилась в сторону.

– Ты здесь живёшь весь год? – усомнилась я.

– А что?! Жилище, конечно, плоховато, но для одного пойдёт. А надумаю жениться, тогда и дом буду строить.

– Так ты ещё не женат, ведь уже не молодой?

Бородач почесал лохматую голову, крикнул досадливо:

– Дык, кто ж за меня пойдёт, кому ж охота в лесу жить?!

Спустившись на три земляные ступени вниз и оказавшись внутри землянки, я поразилась.

– Такой потолок низкий, как же ты здесь живёшь, если даже разогнуться в полный рост не можешь?

– Да я привык.

Мне под этим потолком, казалось, даже дышать было тяжело. Приходилось постоянно нагибать голову. Я сразу стала искать, на что присесть. Скамьи дровосеку заменяли деревянные чурбаки, я очень обрадовалась, когда увидела в углу большой, удобный топчан, застеленный старой медвежьей шкурой.

– Вот здесь мы и положим Ганса.

– Как скажете, госпожа.

Бородатый великан не без труда смог доставить моего «Кроху», так и не пришедшего в себя, до своего большого широкого лежака. Быстро развёл огонь в очаге и повесил над ним старый котёл с помятым боком, чтобы согреть воды. К моему немалому удивлению, в убогой землянке был аккуратно сложенный удобный очаг. Сделанный капитально и красиво, как в большом добротном доме.

Укладывая Громилу, дровосек зацепил обо что-то привязанный на его поясе кошель, тесёмки порвались, по полу покатались золотые монеты. Гигант присвистнул, я поспешно собрала деньги, но главное – приютивший нас бородач понял, что нам есть, чем оплатить за его доброту. Внук знахарки стал осматривать раненого. Убрал сооружённую мною перевязку, полотенце всё пропиталось кровью, но дровосек заметил баронский вензель. Крикнул удивленно. Мне показалось, что он стал относиться к нам ещё с большим уважением. Объяснял мне:

– Колотая рана, как у благородного человека, внутренности вроде не задеты. А кровь мы сейчас остановим.

Он потянулся, снял со стены пучок сушёных трав. Выбрал листочек, приложил к ране, пошептал что-то странное.

– ... а ты кровь не кань, – только смогла разобрать я.

– Пока вода закипает, – сказал он, закончив обряд и перевязав рану чистой тканью, – пойду постирну полотенце. Нельзя, чтоб пропала такая дорогая вещь. Позвольте, госпожа, я вам буду прислуживать вам, ваш слуга ранен.

Он вышел из хижины, я задумалась о превратностях судьбы. Ещё утром я сама была в роли служанки герцога, а теперь этот бородач называет Громилу моим слугой. А неделю назад я и представить ничего подобного не могла. Холодок страха пробежал по спине, когда я подумала о том, что ещё может нас ждать в будущем. Прежняя размеренная, легко предсказуемая моя жизнь показалась мне сказкой из далекого детства.

Вернулся дровосек, согнувшись чуть ли не вдвое, вошёл в свою низкую дверь. Обратился ко мне с непривычным вопросом:

– Госпожа чего-нибудь изволит?

– Нет, нет, – торопливо отмахнулась я, – занимайтесь раненым.

Он стал готовить отвар: крошил в воду сухие травы, перемешивал, сунул туда какой-то жёлтый корешок, снял котёл с огня, накрыл крышкой и для тепла положил сверху кусок холстины.

– Сейчас настоится, – пояснил он, – надо будет остудить и понемногу давать больному, чтобы не было лихорадки. Ваш слуга сильный, быстро поднимется на ноги. Только и он бы не справился, если бы кто-то его сразу так хорошо не перевязал.

Я порадовалась, что и мои старания были не напрасны. Только в роли госпожи мне было очень неуютно. Я не знала, как мне сесть, куда деть руки, и всё время боялась, что бородач догадается, что я не настоящая.

Наступила ночь, и с нею пришли другие волнения. Бородач предложил мне разделить с ним его небогатый ужин:

– Не побрезгуйте, госпожа. Еда у меня простая, крестьянская, поужинайте, чем Бог послал.

Я охотно согласилась. Знал бы он, какой вкусной показалась мне его холостяцкая гороховая похлёбка. Только отхлебнув горячей жидкости из большой деревянной ложки, я вспомнила, что за весь сегодняшний день у меня во рту не было ни одной маковой росинки. Я так проголодалась, что уплетала похлёбку быстрее, чем хозяин. Он поглядывал удивлённо, наверняка, раньше считал, что утончённые дворянки, должны питаться как-то иначе, чем обычные люди. Я и сама так думала, пока не примерила это зелёное с золотом платье. Справившись со своей похлёбкой, бородач улёгся спать прямо на полу у камина, завернувшись в свой широкий плащ.

А я поняла, что не зря так торопилась поесть, чуть позже мне было бы уже некогда этим заняться. Гансу стало хуже. Он метался на своём ложе в жуткой лихорадке и даже бредил.

– Это нормально, – заверил внук знахарки, даже не встав со своего места, только приподнявшись на локте, – к утру будет ясно, оклемается он или нет. Самая тёмная ночь перед рассветом, перед выздоровлением бывает хуже всего.

Его слова меня мало утешали. Меня обуревал страх. За последние дни я так привыкла к тому, что Ганс всегда меня спасает, всё может. А он лежал беспомощный, на грани жизни и смерти, волосы прилипли к потному лбу, губы потрескались. Я села рядом с ним, на краешек топчана, вслушалась в его невнятный бред.

– Нет! Нет!.. я не колдун!.. я не портил лошадь епископа!.. она и так старая... я только подковал... сама она сдохла... сдохла... Нет! Не знаю!.. я верую... я молюсь... Идите вы к чёрту!!!

Я прикладывала мокрое полотенце к его горячему лбу. Он не видел, не слышал меня, был где-то очень далеко от меня. Просил пить и тут же отталкивал миску с водой. Ночь тянулась медленно и тяжело, словно горячая смола. Когда первые лучи солнца пробрались через оконце в хижину дровосека, я почувствовала такую усталость, что буквально не могла поднять разом отяжелевших век. Я не заметила, как уснула, свернувшись калачиком на краешке широкого топчана.

Меня разбудил голос Ганса:

– Пить... пить...

Я подскочила, потянулась к кувшину, стоявшему на столе, стала наливать чистую воду в глиняный стакан. Услышала за спиной тихий удивлённый голос:

– Госпожа, вы кто?

Я повернулась к громиле, улыбаясь, посмотрела на него:

– Надеюсь, ты шутишь.

– Для шуток у меня пока слишком мало сил, – серьёзно отозвался Ганс, внимательно, без тени улыбки разглядывая меня.

Совсем растерявшись, я хлопала глазами, не находила ответа. Мне хотелось крикнуть: «Ты что?! Я же Анхен! Заморыш! Неужели ты забыл, как мы сбежали от инквизиции?!» Но у очага возился дровосек, и я не могла выложить это всё при нём. Ещё надумает вернуть нас братьям доминиканцам. А мне вовсе не хотелось снова оказаться на костре.

– Неужели ты ничего не помнишь? – осторожно спросила я.

– А что, было что-то интересное? – слабо улыбнулся «Кроха».

– Было, – решительно произнесла я и, напустив на себя важности, обратилась к бородачу:

– Милейший, мне неловко выгонять вас из вашего собственного дома, но не могли бы вы оставить нас ненадолго одних?!

Эту заковыристую фразу я только вчера подслушала в баронском замке. Дровосек, кажется, её толком не понял, но низко поклонился.

– Как вам угодно, госпожа.

Он поспешно вышел за дверь, мой Громила проводил его взглядом, поднял бровь:

– Да вы важная шишка. Как это меня угораздило попасть в такую компанию?

Я стала взахлёб рассказывать события последних дней. Судя по выражению лица, Ганс не верил ни одному моему слову.

– Значит, «герцог Ольденбургский»? – уточнил он, когда я закончила свой рассказ. – Жаль, что я забыл такое замечательное приключение.

Мне захотелось его побить. Я так переживала за его здоровье, теперь мне должно было бы стать легче, а Ганс умудрился всё испортить!

– Не может быть, чтоб я был таким хорошим. Бегал, спасал, – серьёзно рассуждал Громила. – Не-е, это на меня не похоже. Зачем вы рассказываете мне сказки, госпожа?

– Не притворяйся, – потребовала я, – так не бывает! Хотя что-то же ты должен помнить!

Ганс сосредоточенно нахмурился.

– Помню...

– Что? Что? – воодушевилась я.

– Подвал помню, инквизиторов помню, вас не помню.

– После, после инквизиции.

– Костёр не помню, значит, меня не сожгли? – осведомился он у меня.

– Нет! А надо было! – надулась я.

– Мне нравится, что не сожгли.

В этой фразе мне уже послышалось лукавство.

– Помню, коня украл, хороший был конь. Куда я его дел?

– Продал.

– Зря, коней я люблю.

– А меня? – вдруг решила спросить я.

Ганс лукаво сощурился, разулыбался.

– Не надо пользоваться моей слабостью.

– А-а-х! Ах ты... гад такой! Я переживала! А ты?!

Я всё-таки не удержалась и ударила его по руке.

– Так ты спасала меня, чтоб потом бить?

– Я и не думала тебя спасать! Это все дровосек! Он поил тебя всякими отварами.

– А ты выгнала моего спасителя?

– Могу позвать обратно.

– Зови.

– Только не забудь, что для него я – твоя госпожа! – зло напомнила я.

– Слушаюсь и повинуюсь, – хохотнул громила.

Разобиженная на него, я стремительно выскочила из хижины на улицу. Меня встретила резкая осенняя свежесть и дождь со снегом. Бородатого великана нигде не было.

– Куда он делся? – волновалась я, ёжась от холода. – Неужели отправился доносить на нас, подслушав ночной бред Ганса.

Но мои сомнения улетучились, как только я обошла покосившуюся хижину. На заднем дворе дровосек с невозмутимым видом рубил дрова. А что ещё ему оставалось делать в такую погоду?! Возле него уже высилась изрядная куча аккуратных полешек.

– Возвращайтесь в дом, – прокричала я, боясь подходить близко к его высоко взлетающему громадному топору.

– Как прикажете, господа.

Бородач охотно оставил своё занятие и пошёл вслед за мною в тёплую хижину.

Положение моё стало ещё труднее. С одной стороны, я старалась вести себя солидно и гордо перед дровосеком, с другой – я видела весёлые глаза Ганса, готового в любую минуту поднять меня на смех. Он быстро шёл на поправку, и его явно забавляла моя важность. Я отворачивалась от него в другую сторону, не знала, как себя вести. А он развлекался весёлыми стишками, как только я подходила близко:

– Ночью спит барон и видит,
Что витраж напрасно выбит!
Бог наделал герцогинь,
И заморышей. Аминь! – шепчет он.

– Замолчи! Бородатый услышит, – зашипела я на него. – Что на тебя нашло?

– У нас в посёлке жил поэт и называл это вдохновением. Он говорил, «вдохновению мешать грехх»! Мне раньше никогда не хотелось сочинять стихи.

– А теперь что?

– Не знаю, это всё бородач виноват, наверное, его травки действуют.

Кажется, дровосек услышал его последние слова, возмутился:

– Трава у меня правильная! Никто не жаловался!

– Так и я не жалуясь, – продолжал веселиться Громила. – Мне сроду так весело не было.

– Это оттого, что болезнь уходит, вот тело и радуется!

– И долго оно будет радоваться? – опасливо спросила я.

– Поживём – увидим, – философски отозвался внук знахарки. – Ему очень повезло, что вы, госпожа, такая заботливая. Потеряй вы тогда время, не смог бы он сейчас радоваться.

– Так я обязан своим спасением моей госпоже?! – не без иронии осведомился Ганс.

– А как же, – серьёзно подтвердил дровосек. – Если б не она, доедали бы тебя лесные звери.

– Да, в рай меня видно не возьмут, а в ад торопиться не стоит, – стал серьёзным «Кроха». – Лучше потоптать землю ещё немного, – и шепнул только мне: – Спасибо, спасительница.

Снова наступал вечер, надвигалась ночь, но уже вроде бы не обещала ничего страшного. Бородач подал новый повод для беспокойства:

– Домишко, у меня, я смотрю, слишком мал для троих. По-человечески и переночевать негде. Куда же я вас, госпожа, уложу? Сегодня нет нужды дежурить с раненым. Нынче он должен спать как убитый.

– Ничего, разместимся как-нибудь. Я тоже могу лечь на полу.

– Да здесь и на полу-то двоим не уместится. Стол мешает. Я вот что удумал, – дровосек для солидности поднял указательный палец, – устрою я вас по-человечески, есть у меня большая холстина, набью её свежей соломой, будет мягко как на перине. Стол сдвину, брошу у очага, чтоб вам ночью было теплее. Найдется у меня и плащ на заячьем меху вместо одеяла...

– А сам куда денешься? – насторожился громила.

– А сам пойду ночевать в деревню, к сестре, а утром свежего хлеба принесу.

– Зачем такие сложности? – попыталась его отговорить я. – Всего нам не нужен свежий хлеб. Здесь устроимся как-нибудь.

Но бородач оказался человеком упрямым и стоял на своём крепко, как осёл на дороге. Я сразу ярко представила, как он проболтается сестре о нас, слухи дойдут до барона и он устроит новую облаву. Новые страхи сжали мне сердце.

– Что ж это такое? Ни дня нельзя пожить спокойно! – сокрушалась я.

– Да не беспокойтесь, госпожа, я буду нем как рыба! – заверил дровосек. – Я вообще болтать не люблю, а сестра и расспрашивать не станет, она уже привыкла. Я к ней каждую неделю навещаюсь.

Убедившись, что переубедить его не удастся, я уступила. Бородач достал из сундука холстину и отправился в сарай за сеном. У меня буквально руки опустились от беспокойных предчувствий. Ганс тоже был мрачен.

– Подвёл я тебя, – вздохнул он, – ни дровосека удержать не могу, ни баронских людей встретить, как следует.

– А может, всё ещё обойдётся, и бородач вернётся один?

– Что-то мне не верится в такие чудеса. Но нам остается только ждать.

Дровосек, как обещал, отодвинул стол и устроил мне удобное ложе возле теплого очага. Я достала из кошелька пару серебряных монет, подала ему.

– Раздобудь в деревне какой-нибудь плащ для меня, мой остался в носилках, а слуг я отослала. Подойдёт любой, даже самый небогатый.

– Но здесь слишком много, – удивился бородач.

– Купишь плащ, а всё, что останется, пусть будет тебе оплатой.

– Благодарю вас за щедрость, госпожа, – расплылся в улыбке великан-дровосек.

Он зажал деньги в громадном кулаке и ушёл по тропинке в лес. Тюфяк, и правда, был удивительно удобный, но мне не спалось. Я то и дело вскакивала подбросить дров в очаг, поправить огонь. Снова улеглась, закрыла глаза, но сон не шёл.

– Ганс, ты спишь?

– Сплю.

– А я всё думаю, выдаст нас дровосек или нет?

– Это зависит от времени.

– Как это?

– Он сказал, что до деревни пару часов хода, значит он уже там. Если расскажет про нас, ещё через пару часов набегут с факелами колдунов ловить, – спокойно рассуждал Громила.

– Мне страшно, – прошептала я.

– Опять к отцам-доминиканцам и мне совсем не хочется.

– А за что тебя хотели сжечь?

– Долго рассказывать. Спи лучше.

– Я спать всё равно не могу! Расскажи, пожалуйста, – жалобно попросила я.

– Ладно, слушай, если так хочется. Мой отец Вильгельм Кольман – знаменитый оружейник, у него большая мастерская, подмастерья, ученики, своё клеймо с изображением рыцарского шлема. Он важный стал, толстый. Я у него был только молотобойцем, а всю ответственную работу доверял только моему старшему брату. Тот, видишь ли, не так широк в плечах, как будто это признак ума. Короче, разругался я с ними. С братом подрался, отцу нагрубил. Ушёл, куда глаза глядят, и пристроился в соседней деревне у кузнеца в помощниках, коней подковывать. В один чёрный день проезжал мимо нашей кузницы епископ. И потеряла его лошадь одну подкову. Я заново подковал, священник хорошо заплатил, а недели через две сдохла у него эта ключа. Невесть отчего, может, овёс был плохой, а может, срок ей пришёл. Или сам епископ в сердцах палкой побил, да перестарался. Как бы то ни было, а святой отец припомнил, где останавливался подкову менять, да и объявил меня колдуном, что лошадой портит. Ему, наверное, доминиканцы, за каждого нового колдуна приплачивает...

Глава тридцать третья ЛЕСНОЙ ЗНАХАРЬ

Холодные яркие утренние лучи пробились через щели ставень, разбудили меня. Я лежала закрытыми глазами, вспоминала неприятно поразивший меня сон. Хорошо, что он исчез вместе с ночью. Мне снился страх, причины его я не знала. Это опять был сон из мира железных экипажей без коней, но во сне они быстро мчались где-то над моей головой. А вокруг меня было темно, холодно и очень душно. Я вынырнула из сна, как из мутной воды. В хижине царил спокойная тишина. Только похрапывал Громила, да тихонько шипели остывающие угли в очаге. Но из души рвался страх:

– Ганс! Ганс!

Он резко проснулся, попытался даже вскочить на ноги, но со стоном повалился обратно на топчан.

– Что случилось? Кто здесь?

– Ничего, мы одни, – признала я, устыдившись своего беспричинного испуга.

– Мне показалось, здесь полно народу, если ты так кричишь. Эх, такой сон перебила.

– Прости, – прошептала я. – Но мне тоже приснился сон, но очень страшный. А тебе что снилось?

– Я, похоже, наслушался твоих рассказов про кареты без лошадей. Вот мне и привиделось, будто я еду в такой карете. И сам решаю, куда ей ехать. Такой экипаж не чета какой-нибудь телеге, идёт мягко, словно сыр по маслу катится. Ни ям, ни колдобин. Это была моя собственная карета... Вот бы мне наяву такую.

– Да, вернись, пожалуйста, к тому, что наяву. Уже утро, а может и день.

– Если уже день, то плохи наши дела. Дровосек обещал вернуться утром. Если он нарушил одно обещание, то грош цена и всему остальному, что он говорил.

– Сейчас открою окно и посмотрю по солнцу, который теперь час.

Я встала, оправила юбку, подложила дров в очаг. Налила воды нагреваться. Только найти ничего съестного мне так и не удалось. Хотя бы в одном бородатый сказал правду. Провизия кончилась. Осталось только открыть ставни и впустить в хижину солнечный свет. Я подошла к двери, взялась за грубо вытесанную из коряги ручку... Кто-то потянул дверь на себя с такой силой, что я едва не упала. Я отпрыгнула от двери, в домик, низко наклонившись, ввалился бородатый дровосек.

– Ох, простите меня, госпожа. Задержался. Все потому, что сестра плащ продавать не хотела, торговалась.

– Так ты принёс плащ? – строго спросила я, чтобы скрыть свою растерянность.

– Конечно, госпожа.

Он потянул из-за спины большой мешок, достал оттуда добротный шерстяной плащ с удобным широким капюшоном. Стало понятно, почему его сестра не хотела расставаться с такой вещью. Я бы тоже долго торговалась, продавая свой новый, отличный плащ. А бородач рассказывал с гордостью:

– Я не стал заговаривать о деньгах с вечера, чтоб она не принялась расспрашивать. А уж перед самым отходом, когда уже и мешок с едой был собран, достал серебро, сказал, что и ей может перепасть, если продаст свою обнову. Сестра удивилась, само собой, только я ничего объяснять не стал. Она, видно, решила, что у меня завелась зазноба. Уж простите, госпожа, но что ещё думать деревенской дуре?

– Так ты о нас не проболтался? – уточнила я.

– Нет, как можно, госпожа. Я ведь вам слово дал.

– Сестра-то у тебя не все деньги забрала?

– Попробовала, да ничего не вышло. Обошлось одной монеткой. Я теперь богач.

– Будешь нам помогать – станешь ещё богаче, – пообещал Ганс. – Поднимешь меня на ноги, я в долгу не останусь.

– Здоровьем человеческим не я заведую, это в руках божьих, – философски заметил бородач.

– Я богу свечку поставлю, и не одну, – заверил Громила. – Только и богу помощники нужны.

– Не дано нам знать, в чём божья воля и кто ей помощник, а кто помеха.

– Да, знать бы сразу, что на роду тебе написано. Не переживали бы так из-за пустяков, а может и умнее были бы, – вздохнул Громила.

В эту ночь дровосек не собирался никуда уходить и не заставил нас зря волноваться. Он покряхтел и устроился спать прямо под столом. Я твёрдо пообещала себе хорошо заплатить ему за все неудобства, которые мы ему доставили. Бородач сразу захрапел, а мне опять не спалось, я опять позвала Ганса:

– Эй, ты как там? – неопределённо спросила я темноту.

– Жрать хочется, – зло отозвался Громила.

– Хорошо, значит, ты выздоравливаешь.

– Может, кому и хорошо, а я спать не могу, только о еде и думаю.

Посмотри на столе, может, что осталось?

Действительно, ко мне стол стоял ближе, я поднялась, долго всматривалась в кромешную мглу, но мне было нечем порадовать раненого.

– Только хлеб остался.

– Эх, как бы здесь пригодилась припасённая мной жареная медвежатина.

– А где она? – жалобно спросила я, сглотнув слюну.

– Там в лесу, я хорошо её завернул в большой завядший, но крепкий лист, потом упрямо берёг в баронском замке, хоть там другой еды были горы. Когда сбежали, я даже успел порадоваться, что вечером нам будет, чем перекусить, но ты помнишь – нам пришлось разделиться?

– Ещё бы не помнить! Я такого страху натерпелась!

– Пока ты его терпела, я отбивался от всей этой своры дворян и дворянчиков. Жаль, не послушал я отца и не стал учиться фехтованию. Видно, точно: сила есть – ума не надо. Говорил он мне, что в наше время это непременно где-нибудь да пригодится. А я решил, что это дворянская забава меня не касается. А ведь коснулась, да ещё как! Мерзкая шпажонка барона сразу сделала во мне эту дырку. И больше бы дыр было, да одна шпага угодила в кусок медвежатины, да и застряла, а второму я этот же кусок швырнул в лицо, пока он арбалет натягивал. Так и сбежал, только всё равно мясо жалко.

– Да, – вздохнула я. – Но главное – ты жив.

– Видно, не судьба мне помереть от благородного оружия.

– Только бы на костре не сгореть.

– Да, не попасть на костёр – у нас сейчас с тобой главная задача. Но сначала давай хоть хлеба пожужим, что ли.

Дни шли за днями, Ганс быстро поправлялся. Вскоре внук знахарки разрешил ему даже подолгу сидеть и попробовать встать на ноги. Я

смотрела, радовалась, но с каждым днём росла тревога. Мы ведь понятия не имели, что нам делать дальше и куда направиться. У меня бы оставалось гораздо меньше времени на беспокойство, если бы бородач не обращался со мной, как с настоящей важной госпожой, и позволял бы хоть что-нибудь делать по дому. Никогда не думала, что буду так сильно рваться варить обеды и подметать полы. Дровосек всюду опережал меня. И мне приходилось целый день сидеть сложа руки. Я уже возненавидела свое зелёное платье с его дурацкими золотыми шнурами.

Хорошо хоть он днём подолгу уходил в лес заготавливать дрова для замковых каминов. Возвращался он усталый и довольный, рассказывал нам, какую замечательную опушку он нашёл, какие там высоченные засохшие деревья и как быстро он их нарубил; как мучился, пока грузил их на телегу и пытался вывести на большую дорогу.

– Лошадёнка у меня совсем слабая стала. Не тянет.

– Впряг бы моего коня, – предложил Ганс.

– Нельзя, ваш конь под седлом ходить обучен, зачем его портить и заставлять тянуть тяжёлую телегу.

– Так купи себе нового, молодого, сильного.

Предложение это застало бородача врасплох. Он явно и подумать не мог о таком простом решении проблемы.

– Дык, конь денег стоит.

– Не переживай, дадим мы тебе денег, чтоб хватило на самого лучшего, – успокоил его Громила.

– Самый лучший это... где ж его взять-то?

– Ярмарка, говорят у вас тут недалеко, там любого коня можно и продать, и купить.

– Может, кому и недалеко, а на самом деле за тридевять земель.

Последняя фраза заинтересовала «Кроху».

– Далеко, говоришь? Это за пределами баронских земель?

– Конечно, хотел бы наш барон, чтоб такая даль тоже ему принадлежала, да куда там.

– Значит, господин барон там уже не хозяин? – ещё раз уточнил Ганс.

– Не-е, это земля принадлежит монастырю. Они все рынки к рукам прибрали.

– Монастырь, надеюсь, не доминиканский?

– Не-е, – опять протянул бородач. – Братьев-инквизиторов уже давно не видно в наших местах. Они лютуют в городах. Говорят, там каждый воскресный день костры да казни.

Громила печально кивнул, но в его глазах уже светился огонек новой идеи.

«Ура! Он наконец-то придумал, как нам спастись от барона!», – подумала я счастливо.

– Мы поедem с тобой, – решительно заявил Ганс, – и поможем тебе выбрать стоящего коня. Я, знаешь ли, знаток лошадей.

– Тебе ещё рано садиться верхом, – нахмурился лекарь.

– А я в седло и не полезу, – усмехнулся Громила, – я в твоей телеге на мяконецком сене полежу.

– Так можно, – согласился дровосек. – Видно, пора этим заняться, пока моя кобылка не околела.

– Вот и славно, ведь нам тоже надо на ярмарку, хочу своего коня продать.

– Чем же тебе жеребец не угодил? Верховой, породистый, холёный.

– Дурак, – поморщился Громила, – первый раз у меня такой неумный конь. Все равно ему, что свой, что чужой. Подарил его нам барон, видно, только, чтоб избавиться от дурной животины.

– Ещё он прожорливый, – добавил хозяин лесной хибары. – Овса сожрал вдвое больше, чем моя лошадевка.

– Вот, вот, продавать его пора, – рассуждал «Кроха» с таким видом, словно владел злополучным баронским конём уже не один год.

Я диву давалась, как ловко он умудрялся превращаться из безродного беглеца в благородного сеньора, из надменного герцога в опытного конюха. Мне превращения давались гораздо труднее, и я всё хуже представляла себе, как должна поступать в роли знатной госпожи. Я забывалась и всё норовила помочь дровосеку со сборами в дорогу. Он вежливо отстранял меня и сам собирал вещи, аккуратно укладывал запасы хлеба, горшок с кашей на вечер. Я сердилась, мешалась, пыталась занять себя хоть чем-нибудь. Ганс поймал меня за руку:

– Успокойся, а то выдашь нас. Настоящие фрау так не суетятся.

Я сделала над собой усилие и величественно опустилась на скамью. Мало того, что мне уже несколько дней приходится держать спину гордо выпрямленной, словно я оглоблю проглотила; лениво складывать руки, как у глиняных статуэток святых; есть медленно маленькими ломтиками, пока Громила с дровосеком быстро уплетают лучшие куски; так мне ещё грозит смерть от скуки из-за полного бездействия. Нет! Не хотела бы я быть знатной госпожой!

Когда мы ранним утром отправились в дальний путь, мне петь хотелось уже от того только, что я выбралась из кривой хибарки дровосека. На этот раз роль настоящей госпожи мне была по душе. Бородач устроил мне удобное местечко на своей телеге. Я могла, наконец, двигаться вперёд, не боясь свалиться со спины громадного коня и не изнывая от усталости.

Дровосек правил лошадей, он так и светился от радости в предвкушении будущей покупки. Бородач то и дело оборачивался, чтобы проверить всё ли у нас в порядке. Баронского коня привязали за телегой. Дорогое седло и попону, украшенную баронским гербом, тщательно спрятали под сеном. И благородное животное, лишившись отличительных знаков, сразу стала одним из многих. Громила развалился на сене, закинул руки за голову и улыбался как сытый кот:

– Никогда так приятно не передвигался. Отец всегда говорил, что лень – это грех и заставляет нас ходить пешком.

– Рана уже тебя не беспокоит? – тревожилась я.

– Какая рана? – легкомысленно переспросил он. – Я и забыл о ней. Хорошо, что напомнила, будет повод покапризничать.

– Смотри, никто не поверит твоим жалобам, если ты будешь валяться с таким довольным видом.

Громила натянул на лицо скорбную мину. Выдержал одно мгновение и расхохотался:

– Не могу, уволь. Хватит того, что у герцога Ольденбургского вечно была постная рожа.

– Я знаю, как избавить тебя от излишнего самодовольства, – заявила я.

– Вспомни, что инквизиция нас ещё разыскивает, да и барон будет очень рад с нами расквитаться. Тем более, мы ещё на его земле.

– Вот уж не собираюсь из-за всего этого впасть в уныние. Тем более, если радоваться осталось недолго. Вообще-то, никто нас не узнает, и те и другие разыскивают двоих, а если мы встретим хоть кого-нибудь, я просто заруюсь в сено. В телеге останешься только ты – одинокая грустная фрау и дровосек на козлах, которого в округе все знают. К тому, что он мотается со своей телегой по дорогам, здесь давно привыкли. Нет, не судьба тебе сегодня вогнать меня в тоску.

– Да я и не пытаюсь. Просто, мне тревожно, сама не знаю – отчего.

– Брось, посмотри, какой день хороший. Любому заморышу должно быть радостно греться под прощальными солнечными лучами.

– День сегодня удивительный, осень будто уступила его ласковому и тёплому лету.

Какое-то время мы молча грелись в жёлтых весёлых солнечных лучах. Весь лес словно ожил, тоже наслаждался внезапно вернувшимся теплом. Счастливый птичий гомон переполнял придорожные кусты. Голые ветви деревьев шумели мощно и жизнеутверждающе, словно покрытые богатой зелёной листвой. Тёплый ветер, как ранней весной, пах свежестью. Хотелось думать только о хорошем и верить в самые смелые мечты.

– А что мы будем делать, добравшись до ярмарки? – тихонько спросила я.

– Уедем куда-нибудь подальше от вредины барона и озверелых доминиканцев. Поселимся там, где нас никто не знает.

– Вместе? – выдохнула я и с замиранием сердца ждала ответа.

Грубый Громила опять отщутился:

– Как госпоже будет угодно.

– А чего хотел бы «герцог Ольденбургский»? – поддержала я его игру.

К моему немалому удивлению, я увидела, что мой Громила покраснел и смутился. Он даже отвернулся в другую сторону от меня. Наш увлекательный разговор прервало неожиданное вмешательство дровосека.

– Впереди на дороге какие-то люди.

– Тогда я прячусь, – обрадовался Ганс.

– А мне что делать? – растерялась я.

– Как всегда – ничего, ты же настоящая госпожа, – съязвил «Кроха», исчезая под кучей соломы.

Я приняла серьёзный вид и во все глаза смотрела вперёд, боясь среди незнакомых мне людей узнать кого-нибудь из слуг барона. Мои волнения были напрасны. Нам навстречу, о чём-то жарко споря и размахивая руками, двигалось человек семь крестьян, судя по их нарядной одежде возвращавшихся с какого-то праздника. Мужчины были явно навеселе, один едва держался на ногах, и единственная среди них женщина громко его отчитывала:

– Не возьму тебя больше на ярмарку!

– Эт-о-о я те-ебя не возьму. О-один пое-е-еду! – грозился пьяный, беспомощно повиснув на её руке.

– Да ты, братец, один и шага не сделаешь! – смеялся над ним шедший рядом высокий парень. – Давай-ка лучше я тебе помогу.

Он отцепил пьяницу от жены, и они с приятелем подхватили его под руки. Поравнявшись с нами, крестьяне стали кланяться, а я и понять не могла, что поклоны адресованы мне. Спихнулась в последний момент, милостиво кивнула. Очень неудобно я чувствовала себя в роли знатной особы. А бородач ещё придержал коней и принялся расспрашивать встречных:

– Вы не с той ли ярмарки возвращаетесь, куда только мы едем?

– Да она одна тут на всю округу, – откликнулся высокий парень. – У вас какой товар? Продаете или покупаете?

– Всего понемногу, – стал рассказывать ему дровосек. – Госпожа хочет продать одного коня, а я купить другого.

– На ярмарке коней много, и продают, и покупают. Только поторопитесь, сейчас торговля в самом разгаре.

Когда возвращавшиеся с ярмарки пошли дальше и старая лошадь дровосека, резко дёрнув скрипучую телегу, двинулась вперёд, я вздохнула с облегчением.

– Слава богу, что они ничего не заподозрили.

– А с чего бы им нас подозревать? – пожал плечами дровосек.

– Да, да, не в чем нас подозревать, – поспешно согласилась я, боясь опасений бородача больше, чем любого недоверия других людей.

– Помогите же мне выбраться отсюда! – потребовал Громила, напрасно пытаясь самостоятельно выбраться из-под сена.

Я помогла ему выбраться на поверхность, он хотел сесть, но не усидел на нещадно трящейся на неровной дороге телеге и повалился на спину.

– Я уж лучше полежу пока. Мне силы ещё пригодятся. А то я такой слабенький, как цыпленок, – рассмеялся он.

– Фу, заморыш! – фыркнула я с наслаждением.

Трястись до ярмарки пришлось ещё долго, однако солнечная погода сделала путь лёгким и приятным. Я вертела головой, разглядывала пустые поляны, на которых совсем недавно золотилась пшеница, красивую аккуратную деревеньку вдали на холме, потемневшую

холодно-серую воду в излучине реки. Солнышко даже припекало, и я распахнула свой новый плащ. Жёлтые лучики играли на золотых шнурах моего платья, и я чувствовала себя настоящей королевой. Ганс проспал весь оставшийся путь, честно решив набраться побольше сил. Я сразу разбудила его, как только мы подъехали к цели нашего путешествия.

Впереди дорога упиралась в крепостные ворота большого торгового города. Я даже не стала спрашивать у бородача его названия. Ведь я прекрасно знала, что нам с Гансом заказана дорога в любой из городов, где нас обязательно найдут монахи-инквизиторы. Да нам и не надо было пересекать крепостной ров и вступать на городскую территорию. Богатые торги, конечно, заняли все его площади, но каждому товару своё место, и скотом всегда торговали на большом поле за пределами крепости. Сюда пригнали сотни голов разной живности: и коров, и волов, и коз, и овец, и ушастых осликов и, конечно, коней.

Дровосек свернул туда, где был виден загон для лошадей...

Глава тридцать четвертая СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА

...Я резко прихожу в себя – то ли от холода, то ли от боли. Болят руки, ноги, спина... Нет, лучше об этом даже не думать! Вокруг кромешная тьма, но, кажется, со всех сторон пугающе близко поднимается стена. Вроде бы кирпичная. Вытянуть руку, пощупать, проверить – боюсь. Медленно, осторожно наклоняю голову, смотрю вниз. В темноте различаю светлую бетонную балку, на которой сижу, ниже только душная вонь, шум воды в трубах и омерзительный крысиный писк. Откуда-то сверху льётся слабый свет и падают снежинки. Задрав голову, вижу высоко над собой небольшое, как серпик луны, светлое отверстие. Прислушиваюсь, где-то надо мной далеко, приглушённо звучат человеческие голоса:

– Вы не видели здесь девушку?

– Нет.

– А она здесь была?

– Была, точно была, – убеждённо произносит первый голос. – Я же просил её никуда не уходить. Куда же она могла деться? Лиза! Лиза!

Я слушаю равнодушно, как сквозь вату. Не сразу узнаю Сашин голос.

– Лиза! Лизонька! Где ты?

– Я здесь! Помогите! – кричу я и сама удивляюсь, насколько глухо звучит мой голос.

Набираю в лёгкие побольше неприятно-тёплого воздуха, кричу, что есть сил:

– Помогите! Я внизу!

Серпик света совсем темнеет, потом становится шире и, мерзко лязгнув, превращается в полную круглую луну. Я понимаю, что сижу в колодце. В круге «луны» появляется силуэт:

– Лиза?!

– Я... это я... – всхлипываю жалобно.

– Потерпи чуть-чуть, сейчас что-нибудь придумаем, – утешает меня Саша.

А мне вдруг становится так нестерпимо себя жалко.

– Спасайте же меня скорее!

– Но как ты туда попала? – голос Александра звучит ошарашено.

– Не знаю! Ничего не знаю!

– Ты сильно покалечилась? Руки, ноги целы?

– Спина болит!

– Шевелиться можешь?

– Если я пошевелюсь, то свалюсь вниз. Что ты спрашиваешь?!

Доставай, доставай меня быстрее!

Сашин силуэт исчезает из светлого отверстия, сверху медленно падают крупинки снега, тают, не долетев до меня. Зато до меня добирается холодный ветер и лезет под куртку. От холода и страха хочется стучать зубами. Долгую минуту мне кажется, что меня все бросили. И одиночество становится нестерпимым.

– Саша!

– Я здесь, здесь... – отзывается он совсем еле слышно издалека.

Когда его силуэт опять появляется над моей головой, я спрашиваю обиженно:

– Куда ты девался? Не бросай меня одну!

– Я никуда не делся, – оправдывается Александр. – Я ищу способы достать тебя из колодца.

– И как?

– Жалко, у нас в городе нет специальной службы спасения, я пробовал звонить в другие места, но все посылают меня очень далеко.

– А пожарные?

– О, эти указали мне особенно конкретный адрес. Пока ты не загорись, от них помощи ждать нечего.

– Мне только гореть не хватало, – скулю дрожащим голосом.

– В общем, спасение утопающих предоставили самим утопающим. Но у меня есть идея.

– Представляю себе эту идею.

Ёжусь от холода, жду, пока мою голову не задевает что-то повисшее сверху.

– Что это? – в брезгливом ужасе спрашиваю я.

– Парашютные стропы, – весело объясняет Саша, – хорошо, что я так и не вытащил из багажника свой парашют.

– Хорошо, а что дальше? Забраться по ним вверх я не смогу! Не стоит и пробовать.

– Зачем забираться, ты только пристегнись. А я тебя сам вытяну.

Стропы спускаются ниже, я стараюсь, ругаюсь, боюсь потерять своё хрупкое равновесие и свалиться со спасительной балки вниз, пыхчу,

забываю о боли. Вожусь, как мне кажется, очень долго, но справляюсь-таки со сложной задачей, защёлкиваю крепление и радостно кричу вверх:

– Тяни! Я готова!

Я повисаю на стропах, медленно-медленно начинаю подниматься. «Неужели я такая тяжёлая?!»

– Сюда бы Громилу! – вздыхаю я. – Он бы легко с этим справился.

Раскачиваюсь от стены до стены, выставляю руки, ноги, чтобы не стукнуться. Стенки холодные, влажные, пальцами прикасаться неприятно. Яркий круг над головой всё ближе, ближе. Вокруг всё светлее и холоднее. Я уже ясно различаю охристые выщербленные кирпичи, из которых сложен колодец, и ледяные звёздочки снежинок, пролетающие возле лица и исчезающие в облачках пара изо рта. Самым трудным оказалось перебраться через край колодца. Мне пришлось перестать висеть спелой грушей на ветвях и активно включиться в процесс собственного спасения. Моя прошлая встреча с парашютом показалась мне немислимо опасной, но теперь я понимаю, что тогда всё было легко и понятно. Зато в этот раз я оцениваю по достоинству это гениальное человеческое изобретение. На четвереньках отползаю от злополучной дырки в земле, Саша сгребает меня в объятия, гладит по голове, утешает:

– Всё, всё кончилось! Всё позади!

– Мне было так страшно, так холодно... Что ты так долго меня не доставал?

– Долго?! Я отсутствовал минут десять. Как ты успела за это время исчезнуть?!

– Я не нарочно. Я только несколько шагов сделала и...

– Я же просил тебя стоять на месте, как знал, как чувствовал, что ты куда-нибудь провалишься.

– Я там так замёрзла, – всхлипываю, уткнувшись носом в его куртку.

– Сейчас будет тепло, – обещает Саша. Отцепляет от меня парашютные стропы, подхватывает на руки и несёт в машину. – Я же специально включил печку, чтоб тебе быстрее согреться.

Усаживает меня на мягком большом сидении джипа. В машине действительно очень тепло, но я скукоживаюсь, и меня ещё долго трясёт то ли от холода, то ли от пережитого ужаса. Александр сворачивает парашют, убирает его в багажник, садится за руль. Я сразу жалуясь ему:

– Я провела в этом колодце целую вечность! Кажется, я даже теряла сознание и видела...

– Загробную жизнь?! – живо интересуется Саша. – И что там?

Я решаю, что для средневековых признаний момент более чем не подходящий, и молчу о виденных мной новых приключениях Заморыша и Крохи. Но мне ужасно хочется задать вопрос, который мучил меня ещё там: «Откуда Ганс знает, что такое вилка?» А спрашиваю я совсем о другом:

– Кто придумал парашют?

– Зачем тебе? – удивляется мой спаситель. – Ну, вообще-то, первым был Леонардо да Винчи. Про современную модель я не помню.

– Буду знать, а то второй раз задаюсь этим вопросом, болтаясь на стропах. А пока ты не появился, мне в голову и вовсе всякие ужасы лезли. Тебя не было целую вечность!

– Странно, – удивляется Александр, – разве что тебе так показалось из-за страха. Теперь бояться нечего, уже всё позади. Ты больше никогда не бойся. Знай, что я всегда приду и спасу тебя.

– Лучше ты просто всегда будь рядом.

– С превеликим удовольствием, – улыбается Саша. – Ну что, куда тебя вести? В травму или домой?

– Нет, – решительно заявляю я, – никаких больниц! Сейчас я хочу только оказаться дома, выпить чаю с мёдом и почувствовать себя в безопасности.

– Я слышал, успокоению души гораздо больше способствует напиток погорячее, – Саша лукаво смотрит на меня.

– Можно и погорячее, – соглашаюсь охотно.

Только я прикрываю глаза, представив, сколько тепла и удовольствия разольётся по моему промёрзшему телу, как Александр неожиданно грубо рвёт мои мечты восклицанием:

– Серёга! Чёрт!

Меня холодный пот прошиб. Не может быть, чтобы Саша был знаком с моим бывшим сожителем?! На дороге почти под колеса джипа выскакивает вихрастый парень. Он машет руками, старается обратить на себя наше внимание. Александр резко давит на тормоз.

– Так это и есть Серёга? – спрашиваю я, ещё не совсем успокоившись.

– Он и есть, мой давний дружок Серёжка, – смеётся Саша. – Он отличный парень, хоть и чокнутый немножко.

«Отличный парень» забирается на заднее сиденье, сразу начинает болтать так быстро, что не остается даже надежды вставить в его монолог хоть слово.

– Я уверен, Искандер меня уже представил. Всё, что мог вам наплести обо мне, сразу предупреждаю – всё враки. Я на самом деле белый и пушистый. Умею всё или почти всё, даже крестиком вышиваю. Искандер, подтверди!

– Точно, вышивает, – кивает Саша.

– А почему он зовет тебя Искандер? – недоумеваю я.

– Мусульмане так называют Александра Македонского, – объясняет Саша. Друг Серёга тут же перехватывает инициативу:

– Мы все на курсе его так звали. Ну какой он Саша, сами посудите.

– Нормальный, – только пожимаю плечами.

– Это вы ещё плохо его знаете. Пообщаетесь годик-другой и сами начнёте называть его Искандером.

Ответа он не дожидается. Переключается совсем на другое: изображает руками, какого крупного щенка родила его собака.

– Тебя куда отвезти, собаковод? – прерывает его Саша.

Серёга удивляется, словно этот вопрос ему задал ему экскурсовод в музее. Кажется, он и забыл, что находится внутри транспортного средства.

– Отвезти? Дай подумать. Куда, бишь, я шёл?! А знаешь, поехали к тебе, мне такое надо рассказать. Только не при дамах.

– Дама вовсе не желает слушать ваши секреты, – фыркаю я, – отвезите меня ко мне домой и секретничайте сколько угодно.

– Прекрасный план, – радуется Серега. – Ну что, Брусилов, вперёд!

Машина плавно и легко набирает ход, а я задаюсь новым вопросом:

– Теперь ещё и Брусилов? Это ещё кто такой?

– Генерал, герой первой мировой войны, – живо откликается Серёга.

– Брусилов – это моя фамилия, – терпеливо объясняет Саша.

– А как же генерал?

– А генерал его родственничек, – тараторит Серёга. – У него вообще полно знаменитых родственников. Куда ни плюнь в учебнике по истории – везде его родственники. Страшное дело!

– Почему страшное?! – спорю я. – Это же здорово.

– Вот посмотрите его родовое дерево, растущее, как я помню, из Адама Киселя, поймёте, что дело страшное. Его пра-пра-пра-пра-....-дедушка ещё против Богдана Хмельницкого воевал. Не может быть, чтоб Искандер до сих пор вам ничего не рассказал. Ну, хотя бы родовой герб-то продемонстрировал?

– Нет, пока.

– Не может быть, чтоб мой друг так изменился! Раньше он всегда с этого начинал.

– Так ты из дворянской семьи? – поворачиваюсь я к Александру, сосредоточившемуся на дороге.

– С одного боку.

– Ладно, не скромничай, – хлопает его по плечу Серёга и советует мне. – Вы следующий раз обязательно расспросите Искандера про его предков. Получите весьма увлекательное повествование.

– Непременно так и сделаю.

– А пока нам с вами срочно нужно перейти на ты, – восклицает Серёга, опять мгновенно переключившись.

Я охотно соглашаюсь, но пообщаться «на новом уровне», как выразился Сашин друг, мы не успеваем. Джип останавливается возле моего подъезда. Я прекрасно вижу, что Серёга ждёт приглашения, но мне сейчас не до гостей. Торопливо прощаюсь и убегаю. Хорошо, что Саша прекрасно понимает моё желание оказаться в горячей ванной.

Только забравшись в тёплую, почти горячую воду, я чувствую, как сильно успела промёрзнуть. Долго выгоняю холод из своего тела. Согревшись, блаженствую, вытираясь и надевая большущий махровый халат. Сушу волосы, в тапочках, как на лыжах двигаюсь через зал. Вот она, прекрасная, мягкая, тёплая, уютная, родная кровать!

– Кого ещё черти принесли?!

Никогда звонок в дверь не вызывал у меня такого раздражения. Я вообще люблю, когда ко мне приходят в гости. Но только не сейчас! Однако я не могу даже представить себя такой хамкой, чтоб не открыть человеку дверь. Делать вид, будто меня нет дома, – не мой стиль. Тем более, пришедший был твёрдо уверен в том, что его немедленно впустят, и налегал на звонок.

Распахиваю двери, Ленка сразу обрушивается на меня свой восторг:

– Всё отлично складывается! Нам очень повезло!

– В чём повезло? – подозрительно хмурюсь я.

– Ты, помнится, заикалась, что хотела бы сама послушать моего Пашу.

– Разве я это тебе говорила?

– Кому ещё ты могла такое сказать?!

– Ну, многим...

Но Лена не слышит моих признаний. Она твёрдо уверена, что весь белый свет спит и видит возможность услышать песни её любимого рокера. Глупость какая! Я бы вообще предпочла больше никогда о нём не слышать. Будто у меня других дел нет?!

– Нет, Лиза, даже не пытайся возражать! Ты сейчас же оденешься, и мы пойдём в ангары.

– Куда, куда?

– Паша снял для своей группы небольшое помещение за городом. Там обычно тренируются всякие борцы и каратисты. Они и прозвали их ангарами.

– А твой Паша с кем там борется?

– Они там репетируют. Паша говорит, что в ангарах отличная акустика. Идём, идём быстрее!

– А может быть...

– Никаких может быть! Бегом одевайся! – требует Лена.

– Да я только что с улицы, – отчаянно сопротивляюсь я. – Я только что из колодца! Из-под земли, понимаешь?!

Ничего она не понимает! Я пробую даже рассказать о своём недавнем ужасном приключении. Влюблённая Лена хлопает глазами, повторяет:

– Пошли, тебе нужно развеяться! Пошли, пошли быстрее! Ты потом сама скажешь, что я была права, и ты зря отказывалась.

Убедившись в бесполезности любых возражений, с великой неохотой всё же уступаю. Тем более что бурный спор окончательно разрушил мою сладкую сонную истому.

– Ладно, пошли. Только прекрати меня торопить. Я физически не способна двигаться быстро.

– Обещаю тебя не подгонять, если ты не будешь спать на ходу.

Даже если бы я захотела вздремнуть между делом, шумное Ленкино волнение мне бы сильно мешало. Всю дорогу она взахлёб рассказывает мне что-то очень увлекательное, но абсолютно непонятное из жизни музыкантов и их поклонников.

Пресловутые ангары, действительно, больше всего напоминают помещения для стоянки самолётов. И всевозможных спортсменов внутри

– видимо-невидимо. В самом дальнем углу за не доходящей до потолка фанерной перегородкой, внутри сплошь заклеенной большими плакатами групп, вроде «Нирваны», мы и находим Ленкиных музыкантов. Я придиричиво разглядываю солиста, бренчащего на гитаре и подвывающего себе под нос:

...Сомнения не для нас,
Мы поняли жизни суть,
Все, что прошло, забудь...

Он худой, щуплый, с длинными руками. Рваные джинсы, кожаный жилет, татуировка на плече. Каштановые давно не мытые волосы собраны в жидкий засаленный хвостик. Четверо остальных участников группы выглядят не лучше. Больше всего они похожи на кучку бомжей, а сами себя наверняка называют «Великолепным квартетом» или «Мушкетёрами». Небось, кричат перед началом репетиции: «Один за всех, и все за одного!». Не хотела бы я видеть эту жалкую пародию на киношных красавцев.

Я не успеваю додумать мысль о крайне странном вкусе моих подруг. Заметив Лену, Паша резко обрывает завывание, и довольно приятным голосом поёт, выразительно глядя на неё:

...Всю вселенную подарю
Только той, кого полюблю,
Лишь она одна на земле,
Будет тайны знать обо мне,
Она прошлое мне простит
И от памяти защитит...

Смотрю на певца, не могу отделаться от мысли, что где-то с ним уже сталкивалась. Нет, не в прошлом. Где-то здесь совсем недавно, мельком, не заострив на нём внимания. Припомнить не получается, и я бросаю это бесполезное занятие. Со стен грозно смотрят размалёванные лохматые рокеры, какое творчество под прицелом таких взглядов?! Слушаю песню и не могу не отметить, что текст очень не плохой, мне даже нравится. Но вот музыка сильно подкачала. Избитые дворовые аккорды мало подходят на настоящую мелодию для песни. Припев так и вовсе не звучит.

Мое крайне критичное отношение, по всей видимости, отражается на лице. Музыканты хотят понравиться, может быть, только из гордости стараются доказать, что имеют право называться профессионалами. Выходит всё хуже. Барабанщик так усердствует, что, жонглируя, то и дело роняет палочки, а в конце звонким ударом пробивает в мембране дыру.

– Они наркоманы? – спрашиваю я в Маринкином резком стиле, когда мы с Леной идём домой.

– С чего ты взяла?! – возмущается моя влюблённая подруга.

– Рок-музыканты все наркоманы.

– Ты судишь слишком поверхностно.

– Короче говоря, ты не знаешь.

- Мне это неважно.
  - Действительно, какие мелочи, – меня тянет ёрничать. – Таланту прощается всё: наркотики, алкоголь, воровство, убийство.
  - Не утрируй. Но талантливому человеку много прощается.
  - Талантам даже мыться не надо, – не теряю игривого настроения я.
  - Ну тебя! Я хотела чтоб ты услышала классные песни, а ты...
- Каждый видит то, что хочет.
- Хорошо, – благодушно соглашаюсь я. – Будем считать тебя поклонницей современного рока, а меня фанаткой шампуня.

Глава тридцать пятая КОНЕЦ ЯРМАРКИ

Как хорошо лечь спать не в вонючем колодце, а у себя дома, в собственной постели. Правда, сны мне снятся всё равно про то же.

...Сколько же здесь было животных! Бестолковые овцы толкались в своём загоне, коровы флегматично жевали сено, кони беспокоились, вставали на дыбы, трясли головами, ржали. Я смотрела на этих мощных красавцев: ярко-рыжих, дымчато-серых, бархатно-чёрных и молочно-белых; длинноногих и тонкошеих, пузатых и приземистых, жеребцов и кобылиц с жеребятами. Смотрела и сомневалась, что в таком разнообразии можно найти именно того коня, который сейчас нужен. Как только мужчины это делают?!

Дровосеку такие сомнения были незнакомы. Мне показалось, он ещё издалека увидел ту свою будущую лошадь. Телегу мы оставили довольно далеко от ярмарки, там, где толпились другие повозки, и пешком направились к большим загонам с лошадьми. Дровосек отвязал бившего копытом верхового, сам повёл в поводу. Ганс шёл медленно, тяжело, но не подавал виду, силился улыбаться. Но я-то видела, как трудно это ему давалось.

- Может, отдохнём? Я уже устала.
- Какие же вы, девушки, нежные да слабые, – усмехнулся Громила, поняв мою хитрость.
- Как прикажете, госпожа, – серьёзно кивнул бородач.

Отдохнуть мы присели на громадное бревно, заменявшее пришедшим на торги и лавку, и стол. Рассевшись на нём целыми семьями, крестьяне расстилали чистые салфетки и платки, раскладывали привезённые из дому продукты. Люди обедали, обсуждали торговлю:

– Не удалась ярмарка в этот год. Прошлый раз куда богаче была, – рассуждал пожилой пузатый здоровяк, всем своим видом говорящий о том, что он зажиточный мельник.

– Зря бранишь торги только потому, что у тебя дело не задалось, – насмешливо гнусавил носатый сутулый мужик, сидевший рядом.

– Не причём тут мои дела, товаров мало, всё одно и то же, – упорствовал первый.

– А я тебе говорю, богатая ярмарка! – стоял на своём второй.

Они достали из дорожных сумок по варёному яйцу и разом ударили ими о бревно.

– Славная погодка сегодня, – довольно заметил сутулый, очищая своё яйцо от скорлупы.

– Да, хорошая. Главное, что дождя нет, – буркнул мельник.

Ганс весело подмигнул мне:

– Хоть в чём-то они согласились друг с другом. Представляю, как они спорят каждый раз из-за цены на муку.

Но крестьяне сошлись не только в обсуждении погоды. Тщательно прожевав яйцо, закусив его большой луковицей, мельник сказал:

– Что-то давно у нас не было публичных казней.

– С тех пор, как в соседнем городе прямо с костра улизнула молоденькая ведьма со своим помощником, монахи-доминиканцы, видно, опасаются, что опять всё сорвётся.

– А вдруг эта ловкая ведьмочка станет и другим помогать избежать божьей кары?

– Ох, расплодилось нечистая сила! Кругом ведьмы да колдуны. И ведь и не определишь сразу, кто есть кто. Можно и ошибиться, прости господи! – набожно перекрестился сутулый.

– Скорей бы эту ведьму изловили с божьей помощью!

Мне страшно захотелось убежать как можно дальше от этих людей, искренне желающих истребить всех «ведьм». Я потянула Ганса за рукав, шепнула тихонько:

– Пошли отсюда! Не нравятся мне эти двое.

– Чем тебе не угодили эти милые ребята? – хохотнул он. – Они, видно, подмёрзли, хотят погреться у доминиканского костерка. Только и всего.

– Идём дальше. Я достаточно отдохнула, – сказала я нарочито громко.

– Конечно, госпожа! – обрадовался дровосек. – Нам надо поторопиться, а то всех стоящих лошадей раскупят.

– Да и покупатели с деньгами разойдутся, кому я тогда своего коня сбуду?! – поддержал его Громила.

Когда Ганс и дровосек стали прицениваться к лошадям, торговаться, обсуждать их достоинства и недостатки, я словно попала в страну, где все говорят на непонятном мне языке. Мама научила меня разбираться в молочных козах. Я легко отличила бы хорошую корову от больной, но кони для меня отличались только мастью. Я делила их на красивых и некрасивых. Дровосек по непонятной причине выбрал удивительно нескладную лошадь, какой-то линияло-жёлтой масти, с короткими ногами и драным хвостом. Он твердил что-то о её выносливости, сразу бросающейся в глаза, о молодости и здоровье кобылки. Но мне она всё равно не нравилась, она скалила ровные, здоровые зубы, так и норовила меня укусить. Такая игривость сразу была признана ещё одним достоинством.

А «Кроха» расхваливал баронского коня так, словно всю жизнь торговал лошадьми. Покупатель вытягивал губы, причмокивал:

– Что-то спина у него слабовата.

– Слабая спина?! Это у моего-то коня слабая спина! – взвился Громила. – Да как бы он меня на себе носил всё это время, сам видишь, я вешу немало.

– А хорош ли он на ходу?

– Галопирует легко, залюбуешься. Или ты рысь предпочитаешь?

– Мой хозяин предпочитает, ему спешить некуда, а я только конюх.

– Прекрасно, – расплылся в улыбке хитрый Ганс. – Рысь – лучший аллюр этого коня. Он же рысак, как ты не видишь?!

Мне показалось, покупатель немало удивился. Ганс всё говорил, говорил, не давая несговорчивому конюху вставить ни слова. На любое возражение он находил массу доводов в свою пользу. Даже я заслушалась, какого золотого коня он вынужден был продать. Мне стало искренне жаль, что мы не можем его оставить себе. Но, видно конюх, был калач тёртый и не очень-то верил рассказням Громила. За жеребца он предложил такие смешные деньги, что я готова была возмутиться и проболтаться о том, что в баронской конюшне, не стали бы держать такую дешёвку. Дело неожиданно спас толстый мельник, который недавно рассуждал о ведьмах. Он заявил, что готов купить жеребца вдвое дороже. Ума не приложу, зачем ему понадобился дорогуший верховой скакун. Скорее всего, дядьке просто нравилось торговаться, а может, со съеденным им яйцом было что-то не так. Конюх встрепенулся, как бойцовский петух, и перебил цену.

– Вот молодец! – похвалил его Громила.

У конюха вид был несколько озадаченный. Он и сам себя удивил своей щедростью. Но слово не воробей, пришлось ему платить. Кошелёк он доставал долго, монеты отсчитывал ещё дольше, а уж когда передавал их в огромную лапищу Ганса, он весь посерел и готов был свалиться без чувств.

– Что с тобой, приятель? – как ни чём не бывало весело хлопнул его по спине «Кроха».

– Всё нормально, нормально пока, – вздохнул щедрый конюх.

– Хозяин его прибьёт, – шепнул мне Ганс.

Он, не считая, сгрёб деньги. Теперь пришла наша очередь платить за новую, некрасивую кобылку. Ганс вовсе не собирался быть таким же щедрым, как незадачливый конюх, но и торговаться он не стал. Отсчитал столько серебра, сколько просил продавец. И мы все вместе двинулись в обратный путь к телеге. Бородач шагал такой гордый и довольный, словно вёл в поводу самого дорогого андалузского жеребца или, по крайней мере, арабского скакуна.

Совсем неожиданно для меня, Громила вдруг помрачнел, увидев кого-то в ярмарочной толпе. В следующее мгновение он грубо толкнул меня в сторону и буквально затолкал под стоявшую там старую грязную телегу. Следом он швырнул кошелёк с деньгами, который свалился у самого моего носа. Я даже возмутиться не успела. К счастью, я привыкла доверять своему

вечному спасителю и не стала шуметь, только испуганно уставилась на Ганса. Он тоже искал, куда спрятаться. И вскоре я увидела от кого. Прямо к нему решительно направлялись наши старые знакомые: палач со своим помощником! Они узнали своего бывшего подопечного и орали дружно:

– Стража! Стража! Держите его, он колдун!

Громила бросился бежать, расталкивая зевак. Палачи припустились за ним. Раненый, Ганс, конечно, понимал, что его легко догнать. Он устремился к коновязи, надеясь верхом уйти от погони. Он уже протянул руку к ближайшей осёдланной лошади, когда наткнулся на подбоченившегося гнусно смеющегося барона:

– Герцог, какая встреча! Эй, все сюда, – кликнул он своих людей. – Окажите достойный приём обманщику и вору!

Ганс резко остановился, повернул в другую сторону. Но опять не успел убежать далеко, его окружила вооружённая алебардами городская стража, следившая за порядком на торжище. Беглец попытался уйти и от них, он бросился назад, надеясь проскочить мимо толстого помощника палача. Когда он оказался возле великана дровосека, тот неожиданно подставил ему подножку и навалился сзади на упавшего «Кроху». И что вдруг нашло на бородатого?! Ведь только что стоял с тупым видом, глазел вокруг. На помощь дровосеку подоспели палач с помощником и люди барона. Ганса быстро скрутили и куда-то увели.

Я осталась одна под старой телегой лежать на промёрзшей земле. У меня было много денег и мало надежды. Я страшно боялась, что меня найдут и узнают. Поэтому я как мышь сидела в своём убежище и решила выйти, только когда темнота разогнала торговцев и покупателей. Я осторожно поднялась на ноги, отряхнула плащ и платье, привязала на пояс кошелек, полный звонких монет, и остановилась в нерешительности.

– Куда мне теперь идти? – спросила я пустую телегу, брошенную хозяевами под открытым небом до следующего торгового дня.

Само собой, телега хранила молчание.

– Как хорошо было раньше, – продолжала тихонько рассуждать я. – Ганс всегда знал, что делать дальше. У него, наверное, всегда был план, куда мы должны придти в конце концов. Вот бы мне его узнать! Хотя... зачем мне теперь куда-то идти?!

Я совсем загрустила, вспомнив, что теперь моего Громилу неминуемо ждёт костёр, и, горько вздохнув, ползла к стенам города, в который стража утащила Ганса.

– Бывает же такое невезенье! – продолжала жаловаться я. – Все недруги собрались в одном месте! Толстяк палач притащился продавать коня, которого оставил его родителям Ганс, а барон, наверняка, приехал на ярмарку прикупить жеребца взамен украденного. С ними всё понятно. Но бородатому чего понадобилось? Неужели тоже боится колдунов? Или сильно опасается, что за травы и заговоры сам отправится на костёр, вот и старается прослыть борцом с ересью.

Я шла к городу, даже не надеясь, что его ворота могут быть ещё открыты. К моему немалому удивлению, жители городка были столь беспечны, что оставляли ворота открытыми на всю ночь. Долговязый стражник прислонил своё копьё к стене, устроился на перевернутом бочонке и мирно спал. Даже храпел во сне. Звук этот мог бы отпугнуть диких зверей, но вряд ли был способен остановить разбойников. Я уверенно, не прибавляя шага, прошла мимо стражника, вступила в грязный лабиринт тесных улочек.

– Не хотела бы я жить в этом городе!

Каменные дома сиротливо жались друг к другу. Тёмные, как норы, улицы не освещало ни одно окно, ни один факел. Даже в ночной морозной свежести поздней осени здесь стояла духота и вонь. Я боялась в темноте наступить в сточную канаву. Старалась идти быстрее, чтоб выбраться на какую-нибудь площадь. Куда?! Зачем?!

Я никого не знала в этом чужом городке, даже название его мне было не известно. Мама любила повторять, что мир полон хороших людей. Оставалось надеяться, что и здесь они найдутся!

Темнота и теснота расступились на небольшой площади, зажатой плотной стеной домов. Всю её перегораживали столы и лотки недавно отшумевших торгов. Ветер гонял между ними обрывки соломы и другой мусор. Мои глаза уже привыкли к кромешной тьме улочки, и при бледном свете луны я могла различить даже мелочи. Мир, утративший тёплые краски, стал особенно враждебным. На другом конце площади я увидела в окне крохотный жёлтый огонёк свечи.

– Удивительно, в такое время кто-то не закрыл ставни.

Я зябко поёжилась под плащом и неуверенно пошла на огонёк, не зная, чего ждать впереди. Я решила даже постучать в освещённое окно. Свет погас, но я не успела расстроиться, как на меня внимательно уставилось лицо немолодой полной женщины, резко приблизившееся к стеклу.

– Кто здесь?

– ...не подумайте ничего плохого... – я лихорадочно подбирала слова, – простите, я слишком задержалась на ярмарке, все мои родные уже успели уехать...

– Так заходи! На то у меня и трактир, чтоб путникам было где отдохнуть, – заулыбалась женщина.

Она радушно распахнула передо мной дверь, и я опять подивилась бесстрашию жителей этого городка. Трактирчик был совсем маленький: всего три стола да закопчённый очаг.

– Последнее время дела идут совсем плохо, – пожаловалась хозяйка. – Вроде бы и город торговый, заезжих купцов, ремесленников всегда полно. Да только не торопятся они оставлять здесь деньги. Каждый старается сэкономить.

– Я сейчас богатая и экономить мне не к чему.

Эти мои слова сразу расположили ко мне хозяйку трактира. Она взяла меня за руку, усадила за стол, стала расспрашивать, заглядывая в глаза:

– Устали, наверное? Хотите, я вам принесу чего-нибудь поесть? Только, боюсь, всё уже давно остыло. Подождёте, пока разогреют?

– Не надо, я очень голодная, – призналась я, – сил нет ждать.

– Тогда я быстро, очень быстро.

Я сняла тяжёлый плащ и села за стол, уже скоро я блаженствовала над тарелкой с горячей похлёбкой. Напрасно хозяйка переживала, видно, в её трактирчике всегда ждали гостей. Особенно был хорош большой прекрасно пахнущий ломоть хлеба. Пока я торопливо наедалась, улыбчивая женщина занимала меня разговорами:

– Меня зовут Грета. Я жена хозяина этого трактира. А вы, наверное, первый раз в нашем городе? Я вот тоже как-то приехала сюда на ярмарку с родителями, да так и осталась здесь на всю жизнь.

– Как же это? – успела спросить я, на мгновение перестав жевать.

– Ко мне посватался молодой сын трактирщика. Отец, не долго думая, выдал меня замуж. С тех пор и живу в этом доме над трактиром. Уж и дочки выросли, а моя жизнь всё не меняется. Разве что постарела. Да трактир наш захирел совсем.

– Как же так, он ведь выходит на рыночную площадь?

– Так-то оно так, да народ здесь торгует небогатый, обедать норовят дома.

– Дома всегда вкуснее, – кивнула я.

– Как бы я ни старалась, или готовлю я плохо, или пиво у нас плохое.

Муж говорит, другие уже давно взялись виноградным вином торговать, мол, пьяные больше платят. А мне эта идея не нравится. Да что ж я все болтаю, глупая! У тебя, я смотрю, глаза слипаются. У нас нет комнат для постояльцев, но пойдём, я тебе в прежней дочкиной комнате постелю.

Я охотно согласилась. Текла моя жизнь светло и спокойно, вовсе не было в ней никаких приключений. Только и случалось иногда, что моя козочка убегала. И дни шли чередой, похожие как две капли воды. А теперь вдруг всё сорвалось как лавина, и каждое новое мгновение совсем не похоже на предыдущее. Ещё и месяца не прошло, с тех пор как доминиканцы увезли меня из родной деревни. А я уже успела привыкнуть не ночевать два раза на одном месте. Я лежала, смотрела в низкий потолок чужой спальни и даже боялась представить, что может ждать меня дальше.

Но гораздо сильнее опасений за свою жизнь, меня мучила мысль о Гансе. Где он? Что с ним сейчас? Неужели стража передала его в руки инквизиции? Боже мой, а если его сейчас пытаются! Мне осталось только помолиться за него.

Не суждено мне было заснуть в эту ночь. Когда мои веки уже смыкались от усталости, скрипнув, отворилась дверь в маленькую комнатку, где я спала на широкой лавке. С огарком свечи в руке в комнату осторожно вошла хозяйка трактира. Я сразу же села на постели.

– Что случилось?

– Вы простите меня, – быстро зашептала Грета, – я не хотела вас разбудить... надеялась, что вы не спите... нам надо поговорить. Меня совсем совесть замучила, когда молилась перед сном, жалко мне вас стало. Ведь не знаете ничего, а я и пользуюсь...

– Не знаю – чего? – так же шёпотом спросила я.

– К нам в трактир не случайно никто не ходит. Боятся люди. Мать моего мужа забрала инквизиция. Казнь назначили на завтра. Сожгут как ведьму. А она только добрая старая женщина.

Грета умолкла, я тоже молчала, придумывая, как лучше признаться ей, что я и сама чудом избежала такого костра. Но она неверно истолковала моё молчание:

– Теперь вы знаете всё и можете уйти в любой момент. Ночь на дворе, вас никто не видел. Платить за ужин не надо. Для меня уже то подарок, что в этот страшный вечер не осталась одна.

– Я никуда не уйду, – решительно сказала я, – доминиканцы и меня считают ведьмой, так что здесь мне терять нечего.

Женщина только ахнула.

– Такую молоденькую. Я, когда увидела твоё зелёное дорогое платье, подумала, что ты из знатной семьи, что не поймешь меня.

– Меня саму едва не сожгли, а я и не знаю толком, за что.

– Как же тебе удалось спастись, девонька?

– Пропала бы я, если б не встретила одного очень хорошего человека.

Он меня и спас.

– Где ж он теперь?

– Боюсь, и его завтра ждет костёр, – всхлипнула я.

– Ах ты, горе какое! Раньше я бы и не поверила, что святая инквизиция может ошибаться, а теперь и сама вижу, как не правы бывают отцы-доминиканцы.

– Самое ужасное, что мы ничего не можем поделать!

– Но ведь вы один раз уже сбегали!

– Вот и Ганс так бы сказал, наверное.

– Ганс – это кто?

– Это мой спаситель и... – потупилась я.

– Твой возлюбленный, – подсказала Грета.

– Да... – выдохнула я совсем тихо. – Я совсем не могу без него! А как он ко мне относится, я даже не знаю. Он всё шутит! Зовёт меня Заморышем, значит, я совсем ему не нравлюсь.

– Ты не слушай его шутки, ты по делам смотри, – стала наставлять меня мудрая женщина. – Сама говоришь, он тебя спас от костра.

– И потом заботился, как о маленькой.

– Вот видишь, значит, любит, точно любит.

– Ганс меня любит! – повторила я. – А его завтра сожгут.

– Значит, теперь твоя очередь его спасать от казни...

Глава тридцать шестая ОГОНЬ

– Единственное, что нам осталось, – вслух рассуждала трактирщица, – попытаться выкрасть наших колдунов у доминиканцев.

– Боюсь, такое нам не под силу, – горько вздохнула я. – Жаль, что я не настоящая ведьма, а только слабая девушка.

– Не знаю, как ведьме, а мужчине такое дело совершить было бы гораздо проще. Жаль, мы с тобой одни.

– А где сейчас твой муж?

– Он далеко, я даже не знаю, где именно. Мы решили, что самое главное – спасти детей, ему гораздо проще устроиться на новом месте. Я приеду к ним потом, когда всё уляжется, может, и трактир продать удастся.

– Но как же ты узнаешь, куда ехать? – недоумевала я.

– Специально, чтобы сообщить мне, где они поселятся, муж купил на рынке пару почтовых голубей. Голубя взял с собой, а голубку оставил мне. Когда придёт время, он отовсюду вернётся к своей любимой и принесёт мне письмо от мужа.

– У меня раньше тоже была парочка белых голубей, только не почтовых, обыкновенных. Я только любовалась на них и подумать не могла, что они такие верные.

– Чем ты хуже голубя? Ну что, идём спасать твоего Ганса?! Потом будет поздно.

Решительно настроенные, мы вышли из дома, шли в полной темноте, не зажигая факела, завернувшись в плащ, набросив на головы капюшоны.

– А мы не заблудимся без света? – опасалась я.

– Я здесь каждый шаг знаю. Дорогу наизусть выучила. И план придумала. Только мне одной его воплощать было боязно, да и денег у меня мало.

– Зато я сегодня удивительно богата.

Я погладила кошелек Ганса, так заботливо им наполненный золотыми монетами.

– Тогда у нас всё получится!

Я шла за трактирщицей, с трудом различая даже её силуэт в кромешной темноте. Где мы шли, куда – Бог его знал! Только через некоторое время мы благополучно вышли к мрачному зданию, стены которого зловещими отсветами озаряли многочисленные факелы.

– Доминиканцы не скупятся на огонь, – заметила моя новая подруга. – Жгут, гонят ночную мглу. Словно боятся чего.

Я задрала голову, разглядывая тяжеловесное старинное здание. Так не похожее на новенькие соборы со стрельчатыми окнами и высокими шпилями. Маленькие, узкие окна-бойницы живо напомнили мне негостеприимный замок барона.

– Станный дом у слуг божьих.

– Ох, говорят, они творят там такое, – вздохнула трактирщица, – что уж многие сомневаются, богу ли служат инквизиторы.

– Как же мы попадём внутрь?

– О, это как раз не трудно. Гораздо сложнее выйти отсюда. А нам только нужно постучать вот в эту дверь.

Она указала на низкую неприметную дубовую дверцу, и на вход-то не похожую. Скорее какая-то заплатка на каменной стене. На её негромкий стук ответил неприятный мужской голос:

– Чего надо? Кого ещё черти принесли в такое время?

– Открой, мы заплатим.

Эти волшебные слова сразу отворили загадочную дверцу. На свет показалась абсолютно лысая голова монаха. Трактирщица показала ему золотую монету.

– Мы заплатим гораздо больше.

Лысый натянул на голову капюшон, хмыкнул гнусаво:

– Это за что?

– Если ты приведёшь сюда старую колдунью, которую должны сжечь завтра.

– Не могу, – замотал головой лысый монах.

– Не сомневайся, мы хорошо заплатим! Никто не узнает. Только решишь!

– Да не могу я. Деньжат бы подзаработать – это хорошо, только... померла она.

– Так мы опоздали? – ужаснулась Грета.

– Вы бы всё равно не успели. Сразу, как её привели, она улыбнулась главному инквизитору так ласково и говорит: «Глупый ты, в ад же пойдёшь». Перекрестилась и померла вот так с этой улыбкой, словно уснула. Наш главный забоялся, говорит: «По всему видно, бог её к себе забрал». Велел снести её на городское кладбище и похоронить у самой кирхи. Даже надгробие ей приказал сделать. Днём ты могилку легко найдёшь.

Грета страшно побледнела, прижала руки к сердцу, ни слова не могла вымолвить. Я схватила доминиканца за руку:

– А Ганс? Рослый парень, которого вчера стража привела. Он жив?

– Жив, ещё как! – усмехнулся лысый. – Стража отвела его в камеру, а едва наши братья-доминиканцы сунулись к нему, он будто озверел. Накостылял троим нашим здоровякам, монахи отступились. Дрыхнет теперь, бычара. Инквизиторы отложили допрос до завтра.

– Приведи его!

– Что мне, жить надоело?! Он же прийдёт и, кто такой, не спросит.

– А ты ему сразу скажи, что Заморыш прислал. Скажи ещё, что Кроху очень ждут.

– Это он-то «кроха»? – усмехнулся монах. – Ладно, попробую, только стоит это будет очень дорого.

Я потрясла перед его носом увесистым кошельком, золотые монеты приятно звякнули. Лысый остался доволен, но буркнул ещё, набивая себе цену:

– Если ваш «Кроха» не зашибёт, так свои со свету сживут.

– Свои пусть думают, что колдун сам освободился, улетел через замочную скважину.

Лысый хихикнул, потёр костлявые пальцы и, ничего больше не сказав, юркнул обратно в свою тёмную «нору», хлопнув дубовой дверцей. Мы остались ждать. Приютившая меня трактирщица молча вытирала слезы. Я не знала, что сказать ей в утешенье.

– Не плачь, даже великий инквизитор признал, что она ушла в лучший мир...

– Я любила её как родную мать... если не таким как она, то кому же вообще быть в раю?! А доминиканцы называли её ведьмой! Ведьмой!

Я гладила Грету по спине, шептала глупые, бесполезные слова. Как страшные горести быстро роднят людей.

Время шло, луна, стремительно прокатившись по небу, спряталась в низкие рваные тучи. Мы всё ждали у низкой дверцы. Тьма вокруг была непроглядная, потом я заметила, что как будто стало гораздо светлее. От окрестных домов в сторону протянулись чёткие чёрные тени.

– Неужели уже солнце всходит? – подивилась я.

– Рано, слишком рано. Да и свет совсем другой, какой-то красный, неверный. Смотри, как тени заматались из стороны в сторону. Что-то стряслось в доминиканской крепости.

Я задрала голову, чтобы посмотреть на верхние зубцы крепостной стены и отпрянула.

– Пожар! Там же пожар!

– Видно, много богатств накопили святые отцы, раз горит так ярко.

Над краем крепостной стены металась длинные рыжие языки пламени, поднимался густой чёрный дым.

– Там же Ганс! – в ужасе воскликнула я.

Я бросилась к дубовой дверце, стала стучать в неё кулаками, бить ногами.

– Откройте!

Ответа не последовало, но от очередного удара дверь сама отошла и открылась. Я рывком распахнула её, заглянула внутрь. И сразу закашлялась. Из открывшегося отверстия в стене валил едкий серо-жёлтый дым.

– Что это?

– Видно, правду говорят, что отцы доминиканцы алхимики, – откликнулась Грета.

Я, не дослушав её, ринулась внутрь горячей крепости. Тёмный коридор был узким и очень низким, мне пришлось двигаться, согнувшись в три погибели, и закрывать лицо краем плаща, чтобы мерзкий дым не лез в глаза и рот. Когда «крысиная нора» кончилась, узкая винтовая лестница повела меня куда-то вниз. Я торопилась, спускалась туда, где ещё не было дыма, но спёртым тяжёлым сырым воздухом дышать было ещё труднее. Когда мне уже показалось, что я бегу совсем не туда, я услышала впереди человеческие голоса:

– Эй, что там наверху? – спросил меня скрипучий стариковский голос.

– Пожар, – выдохнула я.

– Вот черти! Решили нас спалить, не дожидаясь публичной казни.

– Пусть палят! Лишь бы сами монахи погорели! – донёсся с другой стороны злой женский голос.

– А я им компанию составлять не желаю! Пусть подышают сами по себе!

Мне показалось, я услышала рассерженный голос Ганса, но ничего не могла различить в полной непроглядной темноте подземелья.

– Что это за место? – в отчаянии воскликнула я.

– Тюрьма, конечно! – хрипло рассмеялся старик. – Тюрьма отцов-инквизиторов.

– А ты чего тут делаешь? – спросила женщина. – Еду принесла или сама костра ждешь?

– Да это ко мне, – услышала я хохот Громилы. – Заморыш, ты ли это?!

– Я пришла тебя забрать, – громко объявила я.

– Вот это заявление, – восхитился «Кроха», – Анхен, ты прелесть!

– Только я не знаю, как это сделать, – призналась я.

– Это как раз очень просто, монахи долго не думали, и заперли все двери снаружи на обычный засов. Они же не знали, что найдется наглец, вроде тебя.

– Но я совсем ничего не вижу! – пожаловалась я.

– Вчера у монахов был факел, пошарь там, у самого входа.

Я стала шарить руками вокруг себя, но везде натыкалась только на пустоту или на шершавые сырые камни стен. Я сделала шаг назад и почувствовала под ногой что-то твёрдое. Наклонившись, подняла с грязного пола настоящее огниво. Пошарила ещё, нащупала всё необходимое и сама удивилась, как быстро мне удалось зажечь факел, прикрепленный высоко на стене. Когда его охватило пламя, я увидела коридор с потемневшими дверями по обеим сторонам. Каждая была задвинута тяжёлым засовом.

– Неужели за каждой из них люди?! – ужаснулась я.

С лихорадочной поспешностью я бросилась отодвигать первый засов. Он был тяжёлый, старый, неподатливый. Я почувствовала себя слабой и беспомощной. Но мне удалось-таки справиться с преградой, дверь открылась... Громилы там не было! Справиться со следующим засовом мне помогала только что освобождённая мной женщина. Вместе мы сумели открыть камеру и выпустить высокого старика, нескладного подростка, и совсем уж измождённую старушку, запертыми остались только две камеры.

– Боже, где мой Ганс?!

– Да здесь я, здесь!

Я так торопилась отодвинуть последний толстенный засов. Мы тянули все вместе. Инквизиторы особенно постарались, чтобы никто не смог освободить бунтаря. Ядовитый дым уже добрался и до тюремного коридора.

– Быстрее! Быстрее!

– Что вы там так возитесь?! – громыхал из-за двери Ганс.

Наконец разбухшее дерево поддалось, и мой Громила смог выйти из камеры! Но нам ещё нужно было миновать заполненные дымом коридоры доминиканской крепости.

Воздуха не хватало, у меня кружилась голова, в глазах было темно. Помню только, каким ослепительно-высоким было рассветное небо, когда кошмар кончился и мы выбрались на улицу...

...я просыпаюсь в прекрасном настроении. Хотя бы во сне мне удалось замечательное благое деяние. Долго тянусь в постели, улыбаюсь сама себе. Всё-таки я молодец!

– Интересно, а Саша в курсе, как я его героически спасала?! – спрашиваю я у своего довольного отражения в зеркале.

Чудное утречко! Я даже своим внешним видом вполне довольна! Так я по натуре спасатель! Пока спасали меня, я почему-то не была такой счастливой как теперь.

Проказница Пальма просыпается на моём одеяле, картинно потягивается, крутит своим лысым хвостиком, громко требует рыбу. Вопреки обыкновению, её крайне истеричный вопль не нарушает моего ленивого спокойствия. Надеваю уютный халат, сую ноги в тапочки. Подхожу к окну, возникает странное для этого времени года желание выйти на балкон, глотнуть свежего, холодного воздуха. словно подслушав эту мою мысль, мерзляка Пальмира убегает из комнаты. Я открываю балконную дверь, запахиваюсь поплотнее, шагаю через высокий порог. Сама не ожидала, что банальное стояние здесь, навалившись на перила, окажется таким приятным занятием.

Мой балкон выходит на широкую улицу. Бабушка вечно жаловалась на шум от дороги, а мне её квартира именно этим и понравилась, вид замечательный: дома далеко, вдоль тротуара деревья, машины шуршат туда-сюда. Хоть не скучно. Смотрю вниз, разглядываю проезжающих мимо. Облезлый жигулёк тащится потихоньку, его легко обгоняет ярко-красная, почти гоночная, иномарка. Стою, вспоминаю, как Серёга учил меня различать модели. Всё-таки они слишком уж похожи. Не найдя десяти отличий между двумя зелёными, как майские жуки, машинками, радуюсь когда вижу автомобиль, название которого точно знаю.

– Джип!

Присматриваюсь к четырёхколёсному силачу и понимаю, что не зря он кажется мне знакомым. Это же Сашина машина! Я люблюсь джипом со своего высокого наблюдательного пункта. Он движется с громадной скоростью, обгоняет остальные автомобили. На встречной полосе моё внимание привлекает длиннющий жёлтый бензовоз.

– Кто пустил его в центр города?! – успеваю возмутиться я.

Напрасно разогнавшись, бензовоз пытается притормозить, его тяжёлая длинная бочка норовит обогнать кабину. Машину разворачивает боком поперёк дороги. Он такой громадный, что перегораживает свою сторону дороги, разделительные полосы дороги и даже встречное направление. Несущийся вперёд джип на всей скорости врывается в бочку бензовоза. От мощного взрыва разбиваются стёкла за моей спиной. В тоже мгновение страшное пламя поднимается на несколько метров и поглощает обе машины...

Глава тридцать седьмая ЛЮБОВЬ

– Саша!

Не могу дышать, не могу думать, я вся превращаюсь в один отчаянный крик:

– Только не это!

Конечно, в это время Саша всегда мотается по делам отцовской фирмы. Он сколько раз мне жаловался, что как ни торопится, всегда что-нибудь не успевает. Зачем, зачем он так спешит!

Ноги меня не держат, поворачиваюсь, опускаюсь на корточки, тупо смотрю на разбитые стёкла. Ко мне осторожно подходит мой лысый тигр. Я сгребая Пальму, прижимаю к груди:

– Одни мы с тобой остались.

Ярко, словно это происходит сейчас, я вижу, как Саша опускает на пол малюсенького серого зверька, смотрит виновато. Больше никогда! Вспоминаю, как мы встретились в первый раз между двумя лужами, как он ласково улыбался мне... Больше никогда! Как сладко мы целовались тогда, на «Чёртовом колесе»... Больше никогда! Никогда! Мне хочется громко плакать навзрыд, но комок застревает в горле и слёзы не льются! Так ещё хуже, ещё страшней. Душа мечется в отчаянии, ищет мысль, за которую зацепиться, в напрасных поисках надежды и утешения.

– Я ведь так и не сказала ему, что я и есть Анхен! Что я всё видела, всё знаю! Господи! Мы так похожи... были!

От одного этого слова становится темно, как в подземелье из сна. Пальме тоже страшно, она дрожит, прижимается, лижет мне руку шершавым язычком. Я жалуюсь ей:

– Вот, даже расплакаться не могу по-человечески.

Кошка поднимает ко мне несчастную мордочку. Мне кажется, она всё понимает. Морщинистый носик становится сопливым, как у младенца. Я вытираю расстроенную кошку, чувствую, что и по моему лицу текут слёзы.

– Везёт этой Анхен, она спасла своего Ганса, – всхлипываю я. – Но он был жив, а что поделаешь с этими машинами?!

Я вдруг вспоминаю собачку возле библиотеки. Там нас было много, а я одна...

Я решительно вскакиваю на ноги, заставляю себя взглянуть на бушующее пламя.

– Я всё могу! – повторяю я, как в бреду.

Я сама верю в то, что смогу абсолютно всё. В мозгу бешеным хороводом кружатся слова учёных-физиков про наше необыкновенное время, им вторит цыганский барон, знающий обо мне что-то удивительное. Голова кружится, я чувствую себя странно, почти нереально, как во время драки у банка. Я ничего не понимаю, не пытаюсь объяснить. Кажется, весь мир пропадает, тает, растворяется в воздухе. Отчётливо реальным остаётся только пламя, поглотившее две машины.

Я смотрю на огонь и всей своей волей уменьшаю, гашу его.

Его не было! Не было! И быть не должно! В отчаянном оцепенении я превращаюсь в одну единственную мысль: исправить, всё исправить, Саша должен жить! От невероятного напряжения закладывает уши, как тогда, когда она маленькой девочкой упала в воду, и как тогда она немим отчаянием кричит, зовёт на помощь. Кто, кто может мне помочь? О, Боже, ну хоть кто-нибудь!!! Огонь, огонь он всё уничтожил, бушующее кроваво-красное гудящее пламя, оно захватывает меня и поглощает всё вокруг, весь мир. Только страшным усилием воли удерживаю себя на краю полыхающей стихии, захлестывающего отчаяния, хаоса. Гул и рокот жарящей бездны всё нарастал, от него дрожал воздух, и всё вокруг вибрировало, казалось, я и дышать забыла, время тоже растворилось в нём... и... Вдруг тишина, звенящая и торжественная, как в большом и светлом храме, где идёт золотой прохладный дождь...

– Идёт дождь!?! – я поражаюсь внезапно наступившему спокойствию.

– Да, так всегда происходит во время службы, – слышу я то ли ответ на свой немой вопрос, то ли нежный перезвон колокольцев.

– Какой ещё службы? – удивляюсь я.

– Ты звала на помощь, мы пришли. Ведь ты одна из нас...

– Кто я?

– Столько веков знала, а теперь не помнишь? Все мы созданы, чтобы беречь любовь, добро, справедливость... Каждый сам выбирает свой путь и чему служить.

– Вы ангелы?

– Если тебе от этого легче... Мы – люди, живущие на грани времён Нет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего... всё зависит от воли и выбора каждого в отдельности. Испокон веков люди это знали, а сейчас... забегались, что ли. Ты любишь его? Ну, давай, милая, ещё раз...

Словно на плёнке, пущенной назад, бушующее пламя собирается, сворачивается в одну точку и исчезает... внутри что-то ёкает, словно бьются миллиарды тонких льдинок...

Я стою на своём балконе, смотрю вниз на бегущие мимо машины: на дороге свободно, нет никакой аварии, бензовоз, не спеша, катится по своей стороне дороги. По встречной полосе ветром проносится знакомый мне джип. Они так же далеки от столкновения как земля от луны. Я невольно оборачиваюсь к окну, острые осколки которого я только что разглядывала. Прозрачное, отлично вымытое стекло, абсолютно целое, красуется на своём месте. В открытую балконную дверь с ленивой важностью входит Пальма.

– Стоп! Ты ведь была уже здесь!

Кошка удивлённо смотрит на меня, усаживается вылизывать свою серую шкурку. Я снова резко поворачиваюсь к улице. Бензовоз уже проехал довольно далеко, стал медленно осторожно готовиться к повороту на объездную и вовсе пропал из виду.

– Что, ничего не было?! – растерянно спрашиваю я – то ли у самой себя, то ли у хмурого серого неба. – Мне все привиделось?!

К другим чудесам я уже стала привыкать, но чтобы так... Как бы выяснить, в чём тут подвох? У меня глюки или время вернулось вспять? Разумеется, мне больше по вкусу версия, что я не спятила, а научилась управлять временем. В голову пришла спасительная мысль:

– Нужно просто позвонить кому-нибудь, Сашиным родителям, например.

Я тороплюсь исполнить прекрасную идею. В волнении набираю номер, очень боюсь разочароваться в своих надеждах, услышать страшную новость. Трубку берёт его мать, спокойная, весёлая. Само собой, говорит, что сейчас Саша дома нет...

– ...Он только что звонил из офиса, – услышав эти слова, я готова прыгать от радости.

Ура! Если мне и примерещилось, то только плохое, а на самом деле, всё вполне благополучно.

– Можно я сейчас к вам приеду? – на всякий случай спрашиваю я.

– Конечно, конечно, в любое время. Приезжайте, Лизонька, мы всегда вам рады. А через полчаса и Александр должен вернуться.

Я быстро, быстро собираюсь, впопыхах кормлю кошку. Бедный мой многострадальный институт! Он окончательно позабыт, заброшен. Ну, какие могут быть занятия, когда со мной творится такое?!

Надеваю старые удобные сапоги и бегу, никого не замечая.

– Лиза! Постойте! – слышу я за спиной.

Оборачиваюсь раздражённо. Кто ещё смеет меня задерживать?! Мне весело улыбается Сашин приятель – Серёга.

– Еле вас догнал! Куда вы так спешите, если не секрет?

– Да я, собственно, не спешу...

– Не спешите с такой-то скоростью?! – сомневается Серёга. – Мне тоже спешить некуда, пойдёмте вместе, Лиза.

Охотно соглашаюсь, иду медленно.

– Я человек современный, – заявляет Серёга, – решительно перестаю выкатывать, как сухарь из лондонской галереи. Знаешь, ещё прошлый раз хотел тебе сказать. Имя Лиза тебе не подходит.

– А какое подходит? – спрашиваю с интересом.

– Что-нибудь европейское...

– Елизавета – очень даже европейское имя.

– Нет, что-то другое... Анна... Анабель... может быть, на немецкий манер – Анхен. Да, Анхен тебе подошло бы лучше всего.

Я прячу улыбку. Не может же и он всё знать. А Серёга стремительно перескакивает на другое:

– Я вообще материалист. И привык на вещи смотреть трезво и критично, но то, что со мной произошло только что, не укладывается в рамки разумного.

– Расскажи, что случилось? – прошу я.

– Только не смейся. Я сегодня ничего не пил, даже покурить не успел. Искандер взялся меня подвезти, я и рад лишний раз покататься. Проезжаем мимо твоего дома, Брусилов мне его как раз показывал, а я смотрю на дорогу и ясно вижу: здоровенный жёлтый бензовоз ни с того ни сего на всей скорости начинает тормозить, его разворачивает, и его длинная бочка перегораживает обе полосы. Мы несёмся к ней, и через мгновение я ярко и отчётливо вижу, как мы врезаемся в бок бензовозу. Клянусь, я чувствовал страшный взрыв, видел ослепительную вспышку. Бензиновую вонь я до сих пор выдыхаю... А мгновение спустя я понимаю, что ничего не было, ничего! Небо серое, осеннее, дорога чистая, бензовоз мирно себе проехал мимо по встречной полосе... самое обидное, что Искандер так ничего и не заметил. Знай себе давил на газ. А меня хватило ещё только метров на пятьсот, запросился, чтоб он меня выпустил на свободу. Стою на твёрдой земле, а у самого поджилки трясутся...

Я слушаю его рассказ и ликую. Вот оно, подтверждение того, что я на самом деле волшебница! Прячу гордую улыбку, Серёге не понять, чему я радуюсь, он уверен, что напрасно признался малознакомому человеку в своих страхах. Старается скрыть за шуткой своё серьёзное отношение к произошедшему:

– Впрочем, вполне понятно, отчего Брусилов ничего не почувствовал, он логик, далёк от всего необъяснимого, а я натура творческая, легко ранимая, впечатлительная. С Сашкой и не могло случиться ничего эдакого.

– Да неужели?! – сомневаюсь я.

– Однозначно! Ему куда ближе проблемы конкретные, материальные. Вот зайвится сейчас домой с очередным конкретным таким синяком. Взял моду – негров защищать.

– Неужели ты сам не помог бы маленькой девочке?! – я возмущённо смотрю на Серёгу. – Какая разница чёрная она или белая?

Он засмеялся, принялся комично ставить блоки, как во время боя:

– Ой-ой-ой! Не записывай меня в злобные расисты! Я хороший! Только мне кажется, в этой истории дело не в цвете кожи, и даже не в маленькой девочке.

– Тогда в чём же?

– Есть один отвратный парень, Искандер почему-то зовёт его Бароном, у Сашки прямо руки чешутся ему наподдавать! Да ты его должна знать, этого Барона, Брусилов говорил, вы в одном институте учитесь. Он фотографирует всё подряд, мнит себя великим фотографом.

Я очень ярко вспоминаю небритого папарацци из парка и морщусь.

– Тебе он тоже чем-то насолил? – задаю я вопрос Серёге специально, чтоб он не успел о том же спросить меня.

– Гад, он у меня девушку увёл. Не понимаю, чем вам так нравятся типы с замусоленными хвостиками?

– Последнее время я тоже об этом думаю. Мои подруги сходят с ума от такой гнусенькой причёски. Скорее всего, дело в том, что такие хвостики отпускают творческие личности.

– Всё! Решено, отращиваю себе хвостик, пусть меня девушки любят!

– Решительное заявление, – смеётся услышавший нас Саша.

За разговорами мы и не замечаем, как подходим к его дому. Не обращаем внимания даже на громадный джип, осторожно крадущийся следом за нами.

– Я смотрю, вы совсем спелись. Впрочем, неудивительно, внимание и наблюдательность у вас точно на одном уровне.

– У нас вообще много общего, – заносчиво произносит Серёга. – Например, мы терпеть не можем молодых людей с крысиными хвостиками. Третьим будешь?

– С удовольствием. Организуем партию хвостоненавистников, – смеётся Александр.

Весело бежим вверх, прыгаем через ступени, уже на втором пролёте у меня рождается хитрый план дальнейших действий. Теперь я точно знаю, чего мне больше всего хочется. Едва переступив порог квартиры, я резко поворачиваюсь к Саше и команду:

– Иди, собирай вещи, сегодня ты переезжаешь ко мне! Можешь взять с собой всю флотилию.

Серёга так и покатывается со смеху:

– Не удалось тебе избавиться от лысого сфинкса! Всё равно будешь жить вместе с этим чудовищем!

– Не обижай мою чебурашку! – возмущаюсь я. – Лучше иди, помогай собираться.

– Вот нас и построили! – радостно констатирует основатель новой партии.

Пока Саша сообщает маме новости о своём переезде, Серёга берёт дело сборов в свои руки.

– Так, я знаю, где в этом доме есть большие коробки. Погоди минуточку.

Он убегает из Сашиной комнаты, возвращается с ворохом картонных коробок из-под разной техники. Я ещё не успеваю спросить, а Серёга уже отвечает:

– Да, тебе самое лучшее – заняться моделями. Уложи их аккуратненько в эту тару, кажется, сюда войдут все. Только имей в виду, если пострадает его славный флот, Искандер страшно расстроится.

Мы приступаем к делу, я сдуваю пыль с парусников, не дыша, опускаю их на дно коробки, Серёга решительно распаковывает шкаф, сгребаёт всё подряд, запихивает в большую упаковку из-под телевизора. Вскоре к нам присоединяется Саша, и я слышу то и дело:

– Серж, куда ты это потащил? Это-то мне зачем?

– Вдруг пригодится.

– Не дури, поставь на место.

– Вотхватишься и вспомнишь ещё, что я предупреждал.

– Отстань, я сам положу!

– Брусиллов! Не мешай мне тебе помогать!

В комнату заглядывает Сашина мама:

– Справляетесь? Помощь не нужна?

– У меня впечатление, что нас здесь даже слишком много, – бурчит Саша.

– И не надейся, что я застесняюсь, почувствую себя третьим лишним и уйду, – парирует Серёга. – Не дождёшься! До пятницы я совершенно свободен.

Анна Валерьевна, улыбаясь, закрыла дверь. Ей, наверное, были привычны такие пикировки двух друзей. А мы довольно быстро заполняем все приготовленные коробки. Саша критично осматривает пустые полки.

– Кажется, всё уложили. Можно отправляться.

– А как же ритуал прощания с комнатой? – восклицает Серёга и вопрошает с комичным трагизмом: – Хочешь, мы оставим тебя здесь одного? Мы не будем подглядывать!

– Да ну тебя!

Александрогревает друга подушкой с дивана, тот отмахивается. И начинается настоящее сражение не на страх, а на совесть. Одинокое пёрышко кружится в воздухе. Я подставляю ладонь, ловлю его, сжимаю пальцы и кричу как можно громче, чтоб драчуны меня услышали:

– Всё! Едем!

Сражение останавливается, и соперники, дружно вооружившись коробками, отправляются грузить их в машину. Вот когда мы жалеем, что в таких сталинских домах нет лифтов. Пока я торжественно отсчитываю ступеньку за ступенькой, бережно неся лёгкую коробку полную корабельных моделек, друзья-воители пробегают мимо меня туда-обратно несколько раз. К тому времени, когда я ставлю свою ношу на сиденье джипа, Серёге остаётся только подытожить:

– Мы готовы отправляться в путь. Погружено всё до последней мелочи.

– Тогда поехали, – соглашаюсь я.

Процедура перетаскивания вещей из машины в мою квартиру, как ни странно, занимает гораздо больше времени. Возможность пользоваться лифтом только затягивает процесс. Но Серёге не хочется уходить, даже когда последняя коробка опускается на ковёр зала.

– Неужели даже чаем не напоите?! – возмущается он. – Вам что, жалко?

– Не жалко, только у меня складывается впечатление, – хитро сощурился Александр, – что ты нарочно тянешь время, чего-то выжидаешь.

Лицо нашего первого гостя становится озадаченным, даже глуповатым. Он демонстративно чешет затылок.

– Хотел бы я сам знать, чего мне ждать от жизни...

– Хватит философствовать! – смеётся Саша, – сказал чаю, значит пошли пить чай.

– А чего покрепче, за новоселье?

– Так вот чего ты ждал, алкоголик!

– Вот ещё, – притворно обижается Серёга, – уйду от вас, злые вы.

Он решительно направляется в коридор, ни на секунду не забывая строить разобиженные и просто надутые рожи. Натягивает куртку,

обуается, мы стоим, смотрим на него, не зная толком, как себя повести. И по-настоящему обидеть помощника не хочется, и так сильно хочется остаться одним. Серёга берётся за ручку двери и отпрыгивает, как ошпаренный, испуганный неожиданно громким звонком.

– Это кто? – успевает спросить он, уже открывая пришедшему.

На пороге появляется Марина. Они с Серёгой смотрят друг на друга и требуют хором:

– Познакомь нас.

Мы с Сашей торопимся исполнить настойчивую просьбу. А я смотрю на подругу и поражаюсь случившийся в ней кардинальной перемене. Она жеманно улыбается, томно опускает длинные ресницы. Когда я произношу привычно игривое: «Марина – умница и красавица», – младший лейтенант милиции царственным жестом подаёт руку для поцелуя. Никогда я не видела её такой женственной. А Серёга теряется, смущается, краснеет. Кажется, Александр тоже впервые видит своего друга таким. Не помню ни одного раза, чтоб Марина зашла ко мне без какого-нибудь серьёзного дела. А сейчас она забывает, зачем добиралась в такую даль, едва войдя в мою квартиру, просит Серёгу проводить её до дому. Потерявший дар речи балагур только кивает в знак согласия. Они хором прощаются и уходят, оставив нас в полной растерянности.

– Что это было? – тихо спрашивает Александр.

– Любовь.

Глава тридцать восьмая КРИМИНАЛЬНАЯ

Лежу на Сашином плече, не спешу открывать глаза, растягиваю сладкую полудрёму. Лениво размышляю о том, как я только могла всерьёз считать, что мне понравится жить одной. Остро понимаю, что я наконец-то счастлива и довольна. Осталась одна-единственная загвоздка, ведь я пообещала Саше рассказать обо всех своих приключениях. С чего начать? С шапки с помпоном, с падения в ванной или с психушки? Пытаюсь сформулировать хотя бы более-менее складный рассказ обо всех чудесах, произошедших со мной за последнее время. Сколько всего было! Я и сама не заметила, как привыкла к тому, что моя жизнь окончательно перестала быть скучной. Вот сейчас проснёмся, позавтракаем, и начну излагать свою странную историю...

Но у жизни, оказывается, совсем другие планы. Дверной звонок надрыдается, словно в агонии. Странная история всё продолжается. Саша тянется за джинсами.

– Лежи, я сам разберусь.

Лежу, прислушиваясь, до меня долетают обрывки напряжённого мужского разговора. Слов разобрать не могу, но слышу, что голоса абсолютно не знакомые. Умираю от любопытства. В воздухе назревает что-то тревожное. Когда же Александр вернётся и всё объяснит?!

– Странные ребята, – сообщает он, входя в комнату. – Угрожают, пальцы растопыривают. А по-человечески ничего объяснить не могут. В юриспруденции не ноль, а минус два.

– Почему минус два? – глупо спрашиваю я.

– Потому что их двое.

– И что они хотят?

– Понять было трудно, но, в конце концов, я разобрался...

– И-и-и?

– В общем, они хотят твою квартиру.

– Ещё чего?!

Я резко сажусь на кровати, даже ударяю кулаком по мягкому одеялу.

– Они имеют на это полное право, – как-то растерянно признаёт Саша.

– Дело в том, что они её практически купили...

– Купили?! У кого?

– У твоего Серёги.

– Да он к этой квартире никакого отношения не имеет! – громко возмущаюсь я. – Это квартира моей бабушки, мне досталась по наследству.

– Но ведь он твой брат, значит, тоже наследник.

– Он мне не брат! И бабушки у нас разные! Он мне никто, бывший сожитель, бывший любовник... как тебе больше нравится.

– Честно говоря, – помолчав, произносит Александр, – мне никак не нравится. А ещё я должен сказать, что этот твой бывший, просто сволочь!

– Сволочь! – охотно соглашаюсь я. – Только я не понимаю, каким образом он мог продать мою квартиру.

– Ты недавно уезжала из дома надолго?

– Уезжала, – морщусь я. – Можно, я тебе потом расскажу, куда.

– Это сейчас не важно, важно то, что Серёга за это время сумел заполучить документы на твою квартиру, что он не только живёт здесь, давно и капитально, но и является владельцем.

– Зачем? Для чего ему такая бумага?

– С этим документом он отправился к очень серьёзным ребятам.

– В банк?

– Не совсем. Вернее, совсем нет. Он решил занять денег у местного авторитета под залог твоей квартиры.

– Гад! Гад! Гад! Как он мог! А я-то думала, он просто дурак и бабник!

Я вскакиваю на ноги, в бешенстве швыряю подушку в дальний угол. Задыхаюсь от бешенства. Вдруг спохватываюсь.

– А что же мне теперь делать?

– Само собой, твой дружок долга не вернул, а сам сбежал. Так что все проблемы он оставил нам. Об этом и приходили сообщить эти минус два юриста.

– Господи! Я пропала! Меня убьют! Тебя убьют! Всё ужасно!

Саша обнимает меня, останавливает мой порыв всё перебить и разорвать.

– Не паникуй. Теперь мы вместе, а этим ребятам нужно просто заплатить.

– Просто заплатить?! Мне нечем платить ни этим ребятам, ни любимым другим! – в отчаянии кричу я.

– Не шуми, – пытается успокаивать меня Александр. – Поверь, я что-нибудь придумаю. Только дай мне время. Посиди дома, спокойно подожди меня.

– Ждать?! Я ненавижу... я боюсь сидеть и ждать! Хотя бы скажи, что ты собираешься делать?

– Если тебе это так важно... для начала я собираюсь посоветоваться с отцом. Он уж точно лучше нас знает, что предпринять в такой ситуации.

На такое разумное предложение мне, конечно, возразить нечего. Я соглашаюсь ждать, однако взяв с Саши обещание вернуться не позже, чем к вечеру. Оставшись одна, я стараюсь осмыслить произошедшее. В памяти сразу всплывает тот странный временной парадокс, когда я наблюдала за визитом Серёги в мой дом. Он ведь явно меня тогда не видел и был уверен, что действовал тайно. Жаль, я тогда не рассмотрела, что за бумагу, он так тщательно скрывал от меня. Интересно, помогло бы мне сейчас, если бы тогда я смогла забрать её.

– Ну кто бы мог подумать, что мой тьюфак Серёга затеет предательство, да ещё разовьёт такую активность?! – громко возмущаюсь я, расхаживая по комнате.

Абсолютно не знакомая с моим бывшим сожителем Пальма, ничего не понимая, бродит за мной. Я слоняюсь без дела. Не умею ждать. Жду стоя, жду сидя, жду, уставившись в телевизор, понимаю, что чувствую себя так же, как Анхен из снов, сжимавшаяся от страха в ожидании, пока Ганс вернётся и её спасёт. От нечего делать начинаю придумывать всякие страсти. Вроде той, что приходившие утром бандиты встретили моего Сашу и отомстили... пока я придумываю за что, моя кошка принимается истерично орать, требуя рыбы. Я вспоминаю, что сейчас раннее утро, и накормив Пальму, сама засовываю в рот пару бутербродов.

– Может, в институт сходить?

Вопросом этим я сама себя удивляю и озадачиваю. В самом деле, глупо сидеть дома, когда преподаватели, наверняка, уже подумывают о моём отчислении. Не имея ни малейшего понятия о сегодняшнем расписании, сую в сумку первые попавшиеся тетради, одеваюсь и топаю в институт...

Я-то, лентяйка, надеялась, что опоздала на первую пару и учиться придётся всё хоть чуть-чуть меньше. Не тут-то было! Лена появляется ещё позже меня, радостно сообщает:

– Ты молодец! Откуда узнала, что первой пары всё равно нет? Многие припёрлись к восьми, сами виноваты, будут сидеть здесь до конца четвёртой пары.

– Так у нас четыре пары? – вырывается у меня жалобный стон.

– Без первой только три. А ты, я смотрю, совсем отвыкла учиться. Безделье плохо сказывается.

– Ох, плохо! У меня всё очень плохо!

– Так уж прямо и всё?! – сомневается моя подруга. – Выглядишь прекрасно, значит, кое-что всё же хорошо. Как, например, на любовном поприще?

– Прекрасно...

– Тогда что может быть плохо?! – поражается Ленка.

– Мою квартиру практически продали!

– Что за времена! Когда в стране кончится этот бардак?!

– Может быть, в новом тысячелетии.

– Сомневаюсь. Звонок! Пошли, на паре расскажешь подробности.

В результате, вместо сосредоточенного корпения над физическими формулами, я снова занята только мыслями об утреннем происшествии. Мне приходит в голову даже воспользоваться тем же приёмом, который так хорошо мне помог в истории с бензовозом. Но, честно говоря, я и придумать не могу, какое именно нужно вернуть время, чтобы всё исправить, и как сотворить такой фокус. Пока я размышляю об этом, мирно и незаметно проходит ещё две пары. Честно пишу в тетрадь столбики цифр, черчу графики, но даже не пытаюсь вникнуть в суть, поглощённая мыслями совсем о другом. Моей эмоциональной подруге совсем не нравится такая отрешённость. Она по-своему пытается с нею бороться:

– Хватит пребывать в своём унынии! Тебе что велено?

– Ждать...

– А ждать не обязательно в унынии! По этому поводу у меня предложение: после лекции сразу идём ко мне, я показываю тебе свои новые наряды, последние фотографии и ставлю кассету с лучшими Пашиными песнями. Я даже не сомневаюсь, что от твоей хандры и следа не останется!

Мне не особенно нравится её план, но спорить с Ленкой сейчас у меня нет ни сил, ни желания. Только представляю, как она кипит, повышает голос до весёлого визга, – сразу хочется зажмуриться и зажать уши. Мы идём к Ленке – развлекаться, чем Бог послал.

До её дома – целое путешествие. Не представляю, как она каждый день ездит в институт. Даже пусть не каждый, а так редко, как она это делает. Мне бы не хватило героизма регулярно пересаживаться с одного транспорта на другой. И ехать, ехать, ехать... К концу пути мне уже отчаянно хочется оказаться в уютной Ленкиной комнате.

Я прибавляю шаг и первой влетаю в её подъезд. В лифте ужасно хочется подпрыгивать от нетерпения, но у меня хватает благоразумия этого не делать. Благополучно влетаем на благословенный девятый этаж. Лена вставляет ключ в замок:

– Странно, не заперто. Родители ещё должны быть на работе.

Она толкает дверь, смело шагает через порог, манит меня:

– Пошли, пошли, сейчас мамино борща навернём.

Слово «борщ» вызывает у меня прилив горячего счастья. Ленка шмыгает в комнату. Остаюсь разглядывать чужую прихожую. Тесная, коричневая, похожая на узкий шкафчик. Большое зеркало, как окно в светлый мир. Не

успеваю полюбоваться своим отражением, подруга поспешно возвращается. На её лице выражение прямо противоположное счастью.

– Что-то случилось? – осторожно спрашиваю я.

– Кажется...

Голос подруги глухой, какой-то незнакомый.

– Что там, Лена? – пугаюсь я.

– Кажется... кажется, нас обокрали.

– И вас тоже?! – вырывается у меня.

– Почему тоже? – вяло спрашивает Лена.

– В Марининой квартире устроили погром.

– Кто? – бесцветно спрашивает она.

– Ещё не нашли. Везёт мне последнее время, то и дело прихожу в ограбленные квартиры.

– Ограбленные квартиры... – повторяет подруга.

Эти слова её резко меняют. Лена нервно хватает с тумбочки газету, мнёт её в руках, расправляет, начинает обмахиваться, как в жаркий день.

– Родители, наверное, ещё не знают. Надо им позвонить.

– Много чего пропало?

– Нет, только самое ценное. Можно подумать, воры знали, где искать...

Она снова мнёт газету, бросает в угол, затравленно оглядывается, кажется, ищет, что ещё бросить. Я болтаю первое, что приходит в голову:

– Знаешь, по телеку слышала, что все люди хранят ценности в одних и тех же местах. Любой вор уже знает такие места наперечёт. Только приходят в квартиру и сразу проверяют одни и те же шкафы, находят, что им надо и быстро линяют.

Лена меня не слушает, смотрит непонимающе. Отвечает невпопад:

– Да, я сейчас позвоню отцу, и мы пойдём отсюда. Пусть всё остаётся, как есть...

– Конечно, конечно, ничего не трогай, и вообще, лучше сразу вызвать милицию.

– Нет, я этим заниматься не буду! – категорично заявляет моя подруга.

– Пусть разбирается отец. Он знает что делать. А я... всё перепутаю... мне так страшно!

– Куда же мы денемся до прихода твоего отца?

– Мы сейчас же уходим, нам нужно отвлечься, переключиться. Я не могу в одиночку переживать такие стрессы.

– В одиночку?! – обижаюсь я.

– Ну, ты меня понимаешь... мне срочно требуется мужская поддержка.

– И где же ты её собираешься искать?

– Как раз это очень просто, – воодушевляется Ленка. – Нам только нужно найти Пашу.

– Тоже мне мужское плечо, – фыркаю я.

– Ты ничего не понимаешь, его творчество способно творить чудеса. Мне сейчас так нужна его поддержка! Его уверенность.

Предпочтя оставить при себе свое нелестное мнение о новом объекте Ленкиной любви и уж тем более о партии хвостоненавистников, я молча сопровождаю подругу до ангаров, где обитает её рокер. По знакомому маршруту мы проходим мимо лущущих друг друга каратистов, дико шарахаемся от ребят с длинными палками и короткими, но злыми нунчаками и добираемся до закутка музыкантов. Их подобие двери оказывается открытым, мы входим, по очереди запинаясь о микрофонные провода, аккуратно обходим барабанную установку и резко останавливаемся. Шедшая впереди меня Ленка стоит как вкопанная, тычет перед собой пальцем и повторяет то тихо, то оглушительно визгливо:

– Это наше... наше... наше... это наши вещи!

Я выглядываю из-за неё и вижу в углу каморки сваленные в кучу телевизор, видик, шкатулки, коробки, пару норковых шапок и рыжую Ленкину шубу. Оглядываюсь по сторонам, хорошо, что мы ещё здесь одни.

– Надо убираться отсюда, пока нас никто не видел! – я тороплюсь, командую как Маринка.

– Уже увидел... – хрипит Лена.

Теперь и я вижу замерших в дверях хвостатого Пашу и его приятелей.

– Тю-ю, девочки! Мы вас не ждали!

Паша старается смотреть сурово, но я замечаю, как трудно ему остановить блуждающий взгляд. Я понятие не имела, как отличить наркомана под кайфом. А теперь ясно понимаю, что перед нами стоят сразу пятеро наркоманов.

– Мы зашли на минуточку, – перепугано щебечет Лена. – Мы уже уходим.

– Никуда вы не пойдёте! Я против! – развязно заявляет Паша.

Он вваливается в каморку, придвигает к себе табурет, падает на него, растекается жидкой квашнёй. Остальные музыканты следуют его примеру. Мы оказываемся напрочь отрезанными от выхода, окон в каморке нет!

– Сейчас начнёте ныть, что никому не скажете, – гнусавит Паша, – или того лучше примитесь вопрошать: «Пашенька, зачем тебе это надо?! У тебя же талант!» Терпеть не могу! Я сам разберусь, что моему таланту нужно. Таланту нужно есть! И ещё кое-что... таланту позарез нужны впечатления, а какие здесь впечатления? Скучно мне!

Пока он куражится, я лихорадочно ищу выход. Напрягаю все душевные силы, пытаюсь вернуть время вспять, туда, где мы ещё можем не заходить в проклятую комнатку. Но, видно, жуткий страх лишает меня сил. Только и остаётся молиться: «Господи! Сделай хоть что-нибудь!».

Один из воров достаёт пистолет, наставляет на нас.

– Безопаснее всего, – рассуждает он, – нам будет вас пристрелить и бросить в каком-нибудь леске. Вокруг такого добра полно! И трупов там всяких разных видимо-невидимо. Менты ищут, ищут и никого не находят.

– Прекрасная мысль! – поддерживает его Паша. – Только это всё мы сделаем, когда стемнеет, когда разбегутся дурачки-каратисты.

Вот, он сам подсказал! Я знаю что делать!

– По-мо-ги-те-е-е!! Сюда! Убива-ю-ю-ют!

Я ору что есть мощи! Ленка сразу подхватывает пискливо:

– Ма-ма-а-а! Лю-дии-и-и! Убиваю-ю-ю-ют!

Наркоманы бросаются на нас, Паша сбивает меня с ног, зажимает рот! Падаю, долблю пяткой по большому барабану. Оглушительный грохот будит во мне воительницу, что сражалась у банка. Отталкиваю Пашу, вскакиваю, хватаю его за длинные волосы, бью головой о злосчастный барабан. Разбрасываю пару нападающих, смотрю сверху вниз, на их жалкие попытки подняться. Паша неподвижно валяется на полу. И вдруг меня осеняет! Знаю, где я его видела! Это же он был вторым парнем, пыгавшимся ограбить Серёгу. Я его уже била!

Ошарашенная догадкой, почти спокойно смотрю, как распаивается хлипкая дверь, в каморку врываются разгорячённые ребята в белых кимоно, в мгновение ока валят и скручивают разбушевавшихся наркоманов. Вижу, как Лена сидит на полу отряхивает, поправляет смятую одежду. Каратист подаёт ей руку, помогает встать, она счастливо и кокетливо улыбается ему. Парень смущается, говорит какие-то глупости.

– Теперь надо ментам звонить, – обращается ко мне каратист постарше. – Вы не беспокойтесь, я сам с ними поговорю.

На удивление быстро приехавший серьёзный, пожилой милиционер устало выслушивает наш сбивчивый рассказ, вздыхает:

– Нарков развелось немерено. Житья от них нет. Что ни вызов, обязательно нарки. Вы, девушки, идите пока домой, понадобится, вызовем.

Я радостно несусь подальше от ангаров с их ворами и ментами. А Лена, наоборот, сама настаивает на том, чтобы задержаться.

– Я должна отомстить, чтобы жить спокойно! – театрально заявляет она.

Но у меня возникает сильное подозрение, что не только месть Паше заставляет её задержаться, но и большие светлые глаза обаятельного каратиста. Я слышала, как он предложил проводить её, как только у него кончится тренировка. Счастливая! История с воровством проскочила для Ленки между двумя влюблённостями. Умеют же люди!

Размышляю о превратностях судьбы, рассеянно глядя в пыльное окно автобуса. Чувствую себя романтической книжной героиней, спешащей вернуться к своему единственному возлюбленному. Честно говоря, я не очень-то подхожу на такую роль. В отличие от литературных героинь, кроме пламенной любви мои мысли занимают мечты о полной тарелке супа и котлетке с гарниром. Лишний раз убеждаюсь, что голод не тётка.

Моя Анхен точно плод воображения и снов, если может спокойно жить, питаюсь так редко. Эх, что теперь с Гансом и Анхен? Давненько я их не видела!

Мысль прыгает от современности к средневековью и обратно, и дорога кажется мне гораздо короче. Я почти не замечаю, как возвращаюсь в родные пенаты. Перешагнув порог квартиры, сразу бегу к холодильнику и, только проглотив изрядное количество съестных припасов, осознаю, что благополучно выбралась из очень мерзкой ситуации. Из одной мерзкой ситуации, но я запасливая, у меня есть ещё. Смотрю на часы, впечатляюсь

тем, что прошёл целый день, а Саши всё ещё нет. Неужели, ещё что-то случилось?! От блаженного сытого спокойствия снова срываюсь в волну беспокойств и волнений. Тут уж главное не захлебнуться, но я готова пойти ко дну! Столько времени держалась вполне прилично, а теперь бегаю, как ненормальная, из комнаты в комнату и сама себя запугиваю, выдумывая всякие страсти. Наблюдающая за мной страшно породистая кошка близка к тому, чтобы покрутить пальцем у виска. Она ленится проделать столь сложный маневр и просто громко пищит мне вслед что-то, очень похожее на людские ругательства. Я беру себя в руки, оказывается, быть круглой душой – так неприятно. Плавно опускаюсь на диван, включаю телевизор, даже стараюсь вникнуть в смысл начавшийся передачи. Всё бесполезно! Могу только поймать кошку, чесать ей за ушком и слушать довольное урчание.

Из оцепенения меня выводит звонок в дверь. Лечу открывать, кошку на всякий случай не отпускаю, прижимаю к груди, несмотря на её активное сопротивление. Саша заходит, улыбающийся, очень довольный собой, и объявляет:

– Кончились твои страдания! Ближайшие лет десять нас никто не потревожит. Только...

– Только? – настораживаюсь я, едва успев обрадоваться.

– Мелочи. Придётся некоторое время побывать пешеходами.

– Пешеходами? О чём ты?

Недоумение останавливает мой порыв броситься ему на шею.

– Какая ты не ласковая! – смеётся Александр. – Я весь день крутился, как белка в колесе, а дома даже поесть не предложат.

Мне становится стыдно. Давно ли я сама мечтала о супчике?! Но, разогревая суп, не могу удержаться, пристаю с расспросами:

– Может быть, расскажешь всё толком?

– Нечего рассказывать. Твой Серёга в бегах, его, скорее всего, найдут – не бандиты, так менты – за подделку документов. В конце концов, достанется и от тех и от других.

– А моя квартира?

– Честно говоря, я сам не очень представлял, что теперь делать, рассказал всё отцу, он куда опытнее в таких делах. К сожалению, у нас любой бизнес вынужден кланяться криминалу. Оказалось, он знаком с хозяином тех ребят, что стращали меня утром. На самом деле, отец всё и устроил, а я только летал как связной воробей.

– Связной воробей, это что-то новенькое в орнитологии, – счастливо улыбаюсь я.

Подробности мне уже кажутся не особенно важными. Я осознаю главное – всё хорошо, когда хорошо кончается!

– Мне так не удалось выяснить, зачем твоему Серёге понадобилась такая внушительная сумма денег. Но, судя по всему, первое время, он надеялся её вернуть и никуда бежать не собирался.

– Ещё бы, резвился тут с блондинкой, – вставляю я.

– Ура блондинкам! – хохочет Александр. – Они помогли мне занять Серёгино место.

– Оно всегда было твоим, – ласково мурлычу я. – А у меня сегодня тоже выдался жутко трудный день.

Я во всех ярких подробностях живописую Саше свои невероятные приключения, когда дохожу до сцены сражения с наркоманами, он возмущённо восклицает:

– Подумать только, из-за всех этих квартирных разборок тебя спас не я, а мои приятели-каратисты! Вот чувствовал, надо было сегодня вырваться на тренировку.

– Да, было бы красиво, – соглашаюсь я, – но ты спасал меня в другом месте. Объясни мне всё же шутку про пешеходов.

– Разве я ещё не сказал?! В уплату долга предложил вместо квартиры – джип. Кредиторы не соглашались, твердили, что этого мало, пришлось отдать вдобавок и деньги, которые откладывал на свою квартиру. Главное, что теперь всю историю с займом, можно считать законченной. Всё вернулось на круги своя. Ничего и не было. Забудь...

Глава тридцать девятая ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Александр, наконец-то, сосредотачивается на тарелке с супом. Я снова его отвлекаю, подхожу, обнимаю, усаживаюсь на колени.

– Как у тебя всё просто, – восхищаюсь я. – А как же моя бесконечная благодарность? Я так не могу, буду чувствовать себя не в своей тарелке, пока не отдам долг.

– Тогда отдай его прямо сейчас! – легко предлагает Саша.

– Денег у меня всё равно нет, признавайся, что ты задумал?

– Отдай мне твой самый страшный секрет.

– Самый страшный, – я глубоко задумываюсь и признаюсь неохотно, – ты просто не мог меня запомнить в Петербурге, я была просто попутчицей в электричке, малолетней страшилкой в шапке с огромным помпоном.

– В красной шапке?

– Откуда ты знаешь? – млею я. – Разве я уже рассказывала?

– Тоже мне страшная тайна! Я и сам тебя помню, уж больно хороша была шапка! Лучше расскажи ещё что-нибудь.

Я собираюсь с духом, набираю в грудь побольше воздуха, наконец, выдыхаю горестно:

– Я... лежала в психушке... Только несколько дней... это случайно вышло... я скрывалась от милиции, по обвинению в убийстве...

Я с тревогой ожидаю Сашиной реакции, хочется даже зажмуриться. А он вместо того, чтобы ужаснуться, улыбается радостно:

– Слава Богу! А я уже думал, что мне и самому пора нервы лечить. Я-то думал, ты мне просто померещилась. Хорошо, что на самом деле была ты.

– Ты и там меня заметил? – поражаюсь я. – А девчонки так старались.

– А что с убийством-то?

– Да всё обошлось, – отмахиваюсь легкомысленно. – Придурок сам помер, без моей помощи.

– Чем дальше, тем увлекательней, – смеётся Александр. – А что ещё ты скрываешь?

– Я и есть твоя Анхен! – решаюсь признаться ему.

– Это же мои сны, – хлопает глазами Александр.

– Но я тоже знаю всё про Громилу и Заморыша.

– Потому что я тебе рассказал.

– Нет, потому что я там была. Откуда тебе знать, как мне было страшно и холодно, в тех проклятых развалинах, а Ганс – грубое животное, только и думал об удобстве для своего коня.

– Может быть, у тебя просто бурная фантазия? – робко предполагает Саша. – После моих рассказов, ты впечатлилась и...

– А про пожар в доминиканской крепости я тоже выдумала?!

– Ты... об этом знаешь?!

Весёлый и гордый своей недавней победой, Александр становится тихим и скромным. Внимательно слушает, как я браню Ганса за вечную грубость и неотёсанность.

– Ганс, это же не я... Я совсем-совсем им не управляю... он живёт своей собственной независимой жизнью. У нас даже чувства разные. Там, где мне бы, наверное, стало страшно, он только веселится. Вот, схватили его инквизиторы, нет, чтобы серьёзно подумать о своём положении, он отлупил монахов и завалился спать. У него дырка в боку, едва зажившая, а он ведёт себя как медведь...

– Бешеный, – добавляю я. – Знаешь, Анхен тоже на меня совсем не похожа. Она такая несусветная трусиха. Всего боится – лошадей, одиночества, Ганса твоего. А ещё она пить не умеет! Я даже в самый первый раз так не напивалась, как она. Она понятия не имела, что такое вино. Сроду не думала, что можно так удивляться опьянению. Ничего-то она не знает.

– Ганс не лучше. Чурбан неотёсанный. Сила есть – ума не надо.

– Не утрируй, он много чего знает, вон как убедительно притворялся герцогом. Анхен так и не спросила у Ганса, может, ты в курсе. Откуда он знает, что такое вилка и как с ними обращаться.

– Это элементарно, отцу Ганса один вельможе заказал изготовить целую дюжину таких вилок. Он и объяснил деревенскому оружейнику, что делают с этой диковиной.

– Всё-таки мы с тобой смотрим одни и те же сны, – мурлычу я, – чтобы это значило?

– Не иначе – это любовь, – нежно улыбается Саша. – И всё-таки мне не верится, что два разных человека могут во всех подробностях видеть одно и то же. И ладно бы только во сне, но мне часто кажется, что средневековые приключения случаются наяву.

– Как тогда, в кафе?

– Да, да, помнишь лицо уборщицы? Она точно приняла нас за психов или пьяниц.

Мы ещё долго обмениваемся впечатлениями от нашего двойного существования, там и здесь. Я снова жалуясь на Громилу, Александр удивляется, какие мы там не похожие сами на себя.

Я спохватываюсь, вспоминаю, что мой двуликий спаситель до сих пор голодный. Суп уже остыл, но он готов довольствоваться и таким. Я смотрю, как Саша жадно ест, вспоминаю, что у меня в холодильнике припасена колбаска, срываюсь доставать. Заныриваю в холодильник, как в холодную пещеру, прячу довольное лицо. До чего же хорошо, когда понимают и разделяют твои самые странные странности.

Но одну свою тайну я открыть так и не могу. Несмотря на все наши общие странности, я так и не могу признаться в своей роли в странной истории с аварией, пожаром и бензовозом. Ведь он её и не заметил. Эти впечатления общие вовсе не для нас двоих. А может, мне и вовсе всё померещилось. Вообще это слишком похоже на манию величия. Здравствуйте, я управляю временем!

Пёстрой чередой бегут дни, складываются в недели, месяцы. Двадцатый век, вполне благополучно сменяется двадцать первым. Глобальные катастрофы и резкие перемены, которые все пророки норовили приурочить к смене тысячелетий, обошли нас стороной, оставшись только на страницах книг и кадров фильмов. Жизнь идёт себе, идёт. Не обращая ни малейшего внимания на наши страхи и предположения.

Моё собственное современное существование становится таким приятным и безоблачным, что на какое-то время я и вспоминать перестаю свои бурные приключения в неизвестных мирах, так похожих на европейское средневековье. Я уже начинаю сомневаться, что невероятные, не поддающиеся логическому объяснению события происходили именно со мной, не были подробностями из чужой, увлекательной истории.

Я снова вспоминаю худенькую Анхен, стоя возле большого институтского окна. Далеко внизу, по чёрному блестящему асфальту скользят туда-сюда машины, мимо плывут зонты, через их однообразный чёрный поток пробирается одинокий весёлый ярко-малиновый зонтик. По стеклу быстрыми змейками сбегает капли дождя. Я прослеживаю их путь пальцем. Настроение такое же серое и дождливое. Грустно! Саша далеко в командировке, я чувствую себя такой же одинокой, как этот малиновый островок. Хорошо бы встретиться с любимым хоть как-нибудь, хоть где-нибудь! Идея увидеться со средневековым Гансом поражает своей весёлой шкодностью. Ведь Саша, где бы он ни был, увидит то же самое. Жаль, я не могу управлять тем, что там происходит. Сосредоточиваюсь, даже зажмуриваюсь. Получается!

Я оказалась под ярко-голубым небом, посреди огромного зелёного луга. Что-то неуловимо щемящее подсказало мне, что двадцать первый век немислимо далёк.

– Вот мы почти добрались!

Услышав голос Ганса, я стремительно обернулась.

– Куда добрались?

– Надо же нам где-то начинать новую жизнь. Здесь мы её и начнём, – довольный Ганс расплывается в улыбке.

– Прямо здесь? В чистом поле? – я стала удивлённо оглядываться. – Здесь же ничего нет!

– Глупенький Заморыш, я же сказал, что мы почти добрались. Через четверть часа дойдём до деревни, где осел старый знакомец отца.

– Так мы к нему и шли?

– Не совсем, но надо же нам с чего-то начать самостоятельную жизнь. Этот Витторе Кантони тоже оружейник, я надеюсь первое время помогать ему в мастерской, а потом и своё дело открыть. Я всё смогу, если...

Я впервые увидела Громилу таким смущённым. Он смолк, не договорив. Чтобы его подзадорить, я смотрю лукаво, переспрашиваю:

– Если?

– Если ты согласишься жить со мной... – бубнит Ганс, опустив голову и глядя себе под ноги.

– Так Грета была права! – я даже подпрыгнула от радости и сразу устыдилась проявлению излишней откровенности, напустила на себя строгий вид и стала отчитывать Ганса. – Тебе следовало сначала спросить меня об этом, а уж потом тащить за тридевять земель. Я даже не знаю, где мы!

– Почти на берегу Адриатического моря. Недалеко от города Венеции, – не поднимая головы, объяснил Ганс.

– Так далеко от...

Я хотела сказать – от дома, от мамы, но ведь всё равно не могла вернуться туда. К тому же за последнее время я уже привыкла чувствовать себя дома там, где был мой Громила.

– Но пастырь говорил, что инквизиция есть везде, – только и смогла возразить я.

– Конечно, есть, у нас одна инквизиция, здесь другая. Постараемся ей не насолить, и всё будет хорошо.

– А я что буду делать? – спрашиваю, вдруг покраснев и тоже потупившись.

– Ну... Если ты не против... Ты будешь хозяйкой в нашем доме.

– Готовить обеды и рожать детей?

– Так ты против... – вздохнул он грустно.

– Нет... с чего ты взял? Я... согласна...

– Странно у нас всё, – заметил повеселевший Ганс, – в чистом поле, под открытым небом, в чужой стране. Я должен был бы просить твоей руки у родителей, торжественно, по всем правилам. А теперь они даже не узнают, что мы поженимся.

– Уже очень давно мама сказала мне, что я должна сама выбрать себе мужа, и она одобрит любой мой выбор.

– А отец?

– Он добавил тогда, что мама абсолютно права. И он даст своё благословение сразу, как только я решу выйти замуж. Я думаю, теперь бы они за меня порадовались. Жаль, конечно, что они так далеко.

– А мы к ним съездим когда-нибудь! – убеждённо заверил Громила.

– Мы и Грету навестим?

– Напрасно она осталась в своём дурацком городишке, – поморщился Ганс.

– У неё там дом и семья. Ещё до нашего отъезда она послала мужу весточку, чтоб они все возвращались.

– Хорошо, что инквизиция прекратила искать ведьму в их семье. А вдруг опять начнут? Лучше бы они ушли с нами.

– Один Бог знает, что на самом деле лучше, – вздохнула я.

– Вот съездим к ним и узнаем.

– Когда же это станет возможно? – горестно вздохнула я.

– Когда мы с тобой станем солидными венецианцами, я отпущу пышную бороду, а ты... – Ганс рассмеялся, – а ты станешь солидной, толстой фрау. Тогда нас никто не узнает и не сдаст доминиканцам. Только боюсь, долго придётся нам этого ждать. Впрочем, кое-что можно сделать прямо сейчас.

– Что? – спросила я испуганно.

Продолжая смеяться, «Кроха» полез в свою большую дорожную сумку, долго там рылся, делая вид, что не может найти того, что ему нужно. И рассуждал при этом:

– Я смотрю, твоё когда-то красивое зелёное платье, совсем поистрепалось в дороге. Даже позолота стёрлась и потускнела. Да тебе никогда не шёл этот цвет.

Я собралась уже оскорбиться, ожидая от него только новых колкостей, парировала обиженно:

– Я бы с удовольствием переделась, да нет у меня другого платья. И ты это отлично знаешь!

– Помнишь, я как-то пообещал тебе весёленький пурпурный наряд, чтоб улучшить цвет лица? Так я ведь не зря так долго шастал по разным лавкам в том большом городе, пару недель назад... в общем... это тебе.

Он извлёк из своей бездонной сумки большой свёрток и подал мне. Неожиданно разволновавшись, я медленно развернула грубую мешковину и ахнула! Ярким цветочным лепестком глянуло на меня алое пламя. Я даже не сразу сообразила, что это просто ткань, едва не выронила свёрток.

– Чего ж ты испугалась? Разворачивай, разворачивай!

Я первый раз в жизни держала в руках такую красоту! Неужели простые женщины могут носить такие великолепные красные платья?! Я была уверена, что этого быть не может.

– Нет! Я не смогу это носить! Такие вещи нельзя надевать просто так!

– Ещё как можно! – хохотнул Громила. – Южанки очень любят красный цвет! К тому же, смотри, корсаж и вовсе чёрный. Очень даже скромное платьице. Не хмурься, мы же на юге.

– Всё равно, оно слишком нарядное, – продолжала упорствовать я, но не могла скрыть счастливой улыбки.

– Так я не понял, тебе нравится? – уточнил Ганс.

– Очень, – призналась я.

– Тогда его и надень на нашу свадьбу.

Разговор о свадьбе опять вогнал меня в краску. Вечно он так! Опять всё решил сам. Хотя именно это мне и нравилось. И всё же я решила спросить:

– А почему Венеция?

– Я где-то слышал, что это самый прекрасный город на земле. Ты не поверишь, в Венеции сами жители выбирают себе дожа.

– Кого? – расхохоталась я. – Какое смешное слово.

– Здесь все слова смешные, нам придётся выучить новый язык, я уже кое-что запомнил. Пока добирались, – похвастался Ганс.

– А я ничегошеньки не понимаю, когда местные начинают тараторить быстро-быстро, кричать и бурно жестикулировать.

– Да, народ здесь горячий! Ты скоро привыкнешь. Мы с тобой поселимся где-нибудь в деревне, построим свой дом, мастерскую. Просто не представляю, как можно жить в городе! Но я обязательно свожу тебя в эту Венецию, поглазеть чего в ней такого необыкновенного...

– Вот ты где!

Оглядываюсь ошарашено, не успеваю понять, где я и когда. Снова передо мной заплаканное дождём стекло, стою себе в длинном институтском коридоре. Итальянского солнечного луга как не бывало! Обидно! Зато в здесь и сейчас рядом со мной стоит и улыбается Александр.

– Сашка!

Радуюсь, прыгаю, целую его, обнимаю, а он смеётся.

– Ну, ты тормоз! Ты где была? Я здесь уже минут пять стою.

– Как где?! – удивляюсь я. – Разве ты не знаешь?! Я опять была там! И Ганс, между прочим, наконец, сделал мне, то есть Анхен, предложение. В странной форме, но всё-таки! И вообще, они приехали...

– Я как раз хотел сказать, – перебивает меня Саша, – ты ничего не слышишь, а я хотел сказать, что я страшно соскучился и решил послать все дела и поехать куда-нибудь вместе, например, в Венецию...

21.09.2007 год

Оглавление

В ПОИСКАХ ДИВАНА.....	3
ВИНО И НАРЯДЫ.....	10
УМНЫЕ РАЗГОВОРЫ.....	20
ОТ ОТЧАЯНИЯ К НАДЕЖДЕ.....	29
ХИЖИНА В ЛЕСУ.....	35
ЛЕСНОЙ ЗНАХАРЬ.....	42
СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА.....	49
КОНЕЦ ЯРМАРКИ.....	56
ОГОНЬ.....	63
ЛЮБОВЬ.....	68
КРИМИНАЛЬНАЯ.....	74
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ.....	82